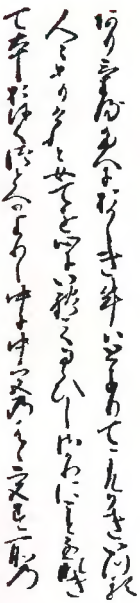
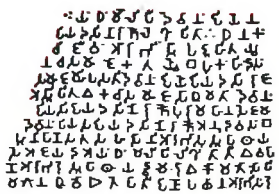
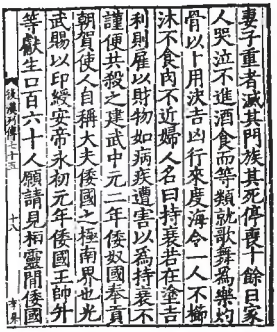
Кадзуаки СУДО

ЯПОНСКАЯ ПИСЬМЕННОСТЬ ОТ ИСТОКОВ ДО НАШИХ ДНЕЙ







Учебное пособие

ВОСТОК ЗАПАД

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОСИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
НОВОСИБИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Кадзуаки СУДО

ЯПОНСКАЯ ПИСЬМЕННОСТЬ

от истоков до наших дней

Москва
АСТ ВОСТОК ЗАПАД
2006

УДК 811.521'35(091)
ББК 81.2Япо-8
С 89

Ответственный редактор:
В. И. ОЖОГИН, к. филол. н., доцент

Подписано в печать 25.08.05. Формат 84x108/32.
Усл. печ. л. 7,56. Тираж 2 000 экз. Заказ № 5778

Судо, К.
С89 Японская письменность от истоков до наших дней / Кадзуаки Судо. – М.: АСТ: Восток-Запад, 2006. – 139, [5] с.

ISBN 5-17-033685-3 (ООО «Издательство АСТ»)
ISBN 5-478-00197-X (ООО «Восток-Запад»)

В данной книге рассматривается исторический путь, который прошла Япония, около полутора тысяч лет назад принявшая китайское письмо и постепенно адаптировавшая чужие знаки к выражению собственного устного языка.

Вы узнаете, почему иероглифы имеют несколько чтений, как отличается характер выражения звука и смысла у иероглифов и *каны*, какая путаница порой возникала при использовании чужеземных знаков, какое влияние китайское письмо оказало на японскую фонетику и как японская письменность приняла, наконец, тот вид, какой она имеет сегодня.

УДК 811.521'35(091)
ББК 81.2Япо-8

© К. Судо, 2005
© «Восток – Запад», 2005

СОДЕРЖАНИЕ

Введение ... 4

Глава первая. Появление иероглифов (кандзи) ... 8

Глава вторая. Японизация китайских текстов ... 16

Глава третья. От манъёганы к слоговой азбуке (кане) ... 35

Глава четвертая. Этапы в использовании каны ... 57

Глава пятая. Нынешняя система правописания японского языка ... 66

Глава шестая. Характер выражения звука и смысла в кандзи и кане ... 76

Глава седьмая. Почему кандзи имеют несколько вариантов чтения ... 81

Глава восьмая. Некоторые «недоразумения», возникшие при адаптации китайской письменности к японской речи ... 95

Глава девятая. Формирование фонетической системы годзюон ... 103

Глава десятая. Взаимовлияние письменности и фонетики ... 113

Заключение ... 132

Библиографический список ... 135

ВВЕДЕНИЕ

Тот, кто впервые приступает к изучению японского языка, обычно с некоторым страхом заглядывает в середину учебника, где страницы испещрены замысловатыми знаками. Студенты старших курсов в один голос твердят, что японская письменность — самое трудное испытание из всех, ожидающих впереди, а уж кому знать, как не им. Действительно, если не считать хирагану[1] и катакану[2], даже для японцев собственная иероглифическая письменность представляет определенную трудность. Количество иероглифов, разнообразие их элементов и многочисленные варианты прочтения делают задачу правильного написания, понимания и произношения весьма нелегкой.

Японские дети усваивают иероглифы на уроках родного языка. К концу начальной школы (то есть к концу шестого класса) им предстоит запомнить 1006 знаков (иероглифы начального образования). В средней и старшей школе они должны выучить еще 939, и в итоге выпускник двенадцатого класса знает 1945 знаков (иероглифы повседневного использования). На практике к этому числу добавляются еще 488 знаков, которые используют для записи имен, но они не изучаются в школе[3].

[1] Хирагана — слоговая азбука на основе скорописных иероглифов.

[2] Катакана — слоговая азбука на основе упрощенных иероглифов.

[3] Иероглифы, которые разрешено использовать для записи имен, утверждаются кабинетом министров. Впервые решение ограничить число таких иероглифов было принято в 1951 г., когда утвердили список из 92 знаков. С тех пор прошло восемь реформ этого списка, из них три в 2004 г., все были направлены в сторону увеличения, и 12 июля 2004 г. их стало 290. Помимо этих 290 знаков, для имен разрешалось использовать 205 «нестандартных» иероглифов, чье чтение и смысл совпадали с соответствующими стандартными иероглифами, а написание немного отличалось. Одновременно, по многочисленным просьбам родителей, кабинет министров вынес на всенародное обсуждение список из 578 иероглифов. В это число были автоматически включены все наиболее употребительные в письменной речи иероглифы без учета их смысла, в результате в список попали некоторые совершенно не подходящие для имен и даже неприличные знаки. Это было сделано намеренно, чтобы исключением нежелательных иероглифов из списка занимались не чиновники, а простые люди. В итоге к 290 «старым» иероглифам добавили 488 знаков, оставшихся после всенародного обсуждения. Кроме того, Министерство юстиции повысило статус 205 «нестандартных» иероглифов, внеся их в список иероглифов для записи имен на общих основаниях, без каких-либо оговорок. Окончательный вариант списка в количестве 983 (290+488+205) принят 27 сентября 2004 г.

Самый распространенный способ изучения прост: учитель объясняет значение каждого иероглифа, который встречается в тексте учебника родного языка: чтение, порядок написания, правила использования в простых и составных словах. Дети много раз пишут иероглифы в тетрадках или прописях, заучивают названия ключей, способы подсчета элементов и правила пользования словарем. Кроме того, на уроках дается история возникновения системы иероглифического письма. Легко догадаться, что процесс изучения письменности в японской школе оказывается довольно монотонным, поэтому для оживления уроков учителя часто проводят тесты по пройденному материалу и вывешивают результаты в виде красочных графиков, надеясь пробудить в детях дух соревновательности. В настоящее время во многих школах предлагают детям сдать единый общеяпонский экзамен на знание иероглифов и получить соответствующий сертификат государственного образца. Для успешной сдачи каждому ребенку рекомендуется заранее оценить свои знания и выбрать свой уровень экзамена (всего существует около 10). Сертификат достаточно высокого уровня может помочь при устройстве на работу.

Родиной японских иероглифов является Китай. Конечно, они были созданы, чтобы отражать особенности китайского языка, а потому японцам с самого начала было трудно их понимать и усваивать. Тем не менее, освоить эту письменность было необходимо, ведь в то далекое время Китай олицетворял собой передовую цивилизацию, и Япония хотела приобщиться к его культуре. Самый древний из дошедших до нас примеров иероглифического письма в Японии — мифологизированная история Японского государства「古事記」«Кодзики»[4]. Император Тэмму (годы правления 673–686-й) приказал одному из своих приближенных по имени Хиэда-но Арэ запомнить многочисленные устные предания, а император Гэммэй (годы правления 707–715-й) повелел своему придворному О-но Ясумаро (?–723) записать эти предания уже со слов Хиэда-но Арэ, что он и закончил к 712 году. О-но Ясумаро отмечает в третьем абзаце предисловия: 上古之時、言意並朴、敷文構句、於字即難。已因訓述者、調不逮心。全以音連者、事趣更長。«Во времена глубокой старины речи, равно как и мысли, были просты, и излагать сочинение и строить фразы одними китайскими знаками трудно. Если излагать только при помощи *кун*[5], то слова не будут соответствовать смыслу. А если писать только при помощи *он*[6], то изложение станет слишком длинным»[7].

Со времени усвоения иероглифического письма японцы начали изучать письменность как таковую и способы передачи родной речи на письме при помощи разных чужеземных знаков. Первыми инструментами письменной речи в Японии были китайские иероглифы, и на начальном этапе

[4] «Кодзики» — «Записи о деяниях древности». памятник японской литературы VIII века.

[5] *Кун* — произношение китайских иероглифов в соответствии с переводом их смысла на японский язык.

[6] *Он* — произношение китайских иероглифов в соответствии с правилами китайского языка.

[7] Подробнее об этом см.: Кодзики: Записи о деяниях древности / Пер., коммент. Е. М. Пинус. СПб., 1993.

основной задачей была передача смысла. Постепенно японцы стали стараться отражать на письме реальное звучание своего языка, переходным способом записи стала манъёгана, где иероглифы использовались как фонетические знаки без учета смысла. Позже японцы создали собственные буквы: две слоговые азбуки кана (хирагана и катакана), сделанные на основе упрощенных форм иероглифов. Кроме того, буддистские монахи привезли из Китая и индийскую письменность бондзи, которую использовали для санскрита. В японском языке она по-прежнему сохранилась, но применяется только для записи имен богов и святых. Относительно недавно в историческом измерении европейцы завезли латиницу, но в современном японском языке ее используют только в особых случаях. Таким образом, письменность, которую используют в Японии, составлена из иностранных знаков и из знаков, созданных самими японцами, но тоже на основе иностранного письма.

В данной книге рассматривается исторический путь, который прошла Япония, около полутора тысяч лет назад принявшая китайское письмо через древнекорейское государство Пэкче и постепенно адаптировавшая чужие знаки к выражению собственного устного языка. Мы покажем, почему иероглифы имеют несколько чтений, как отличается характер выражения звука и смысла у иероглифов и каны, какая путаница порой возникала при использовании чужеземных знаков, какое влияние китайское письмо оказало на японскую фонетику и как японская письменность приняла, наконец, тот вид, какой она имеет сегодня.

Глава первая

ПОЯВЛЕНИЕ ИЕРОГЛИФОВ (КАНДЗИ)

До V–VI вв. в Японии не было письменности. В древности китайские иероглифы встречались японцам в виде гравировки на металлической посуде, привозимой с материка. Долгое время замысловатые знаки оставались в глазах японцев не более чем красивым узором: большая разница в структуре китайского и японского языков не позволяла сразу воспринять их значение. Народные песни, мифы и сказания минувших дней передавались из уст в уста и не записывались.

Потребность в письменности возникла, когда множество раздробленных княжеств начали сливаться под началом более сильных правителей. Выбор в пользу китайской грамоты оказался наиболее разумным для того времени: географически Китай находился достаточно близко, а политически он представлял собой самое влиятельное государство на Востоке.

Первые иероглифы

Приблизительное время появления иероглифов в Японии можно определить при помощи текста «Кодзики» (712 г.): в хронике императора Одзина сказано о корейском после́нике:

「名和邇吉師、即論語十巻、千字文一巻、并十一巻、付是人即貢進」

Его имя — Вани, через него мы получили десять книг Лунь юй и книгу Цянь цзы вэнь, всего одиннадцать.

В «Кодзики» утверждается, что этот текст был написан во время правления царя Пэкче Кынчхого (346–375). Однако книга «Цянь цзы вэнь» создана в первой половине VI в., то есть император Одзин не мог получать ее от Вани. Кроме того, существует другой ранний японский источник「日本書紀」 — «Нихон сёки» («Анналы Японии», 720 г.), где рассказывается история Японского государства в тот же период, когда царствовал Кынчхого — в середине IV века, и там ни слова не сказано о появлении иероглифов. Эти факты серьезно подрывают вышеизложенную версию.

В 57 г. из государства Ва, как называют китайские источники Японию, отправилась первая миссия в Китай, где царствовала вторая династия Хань. На троне там находился император Лю Сю (6 г. до н. э. — 57 г. н. э., годы правления 25–57-й). Вот как описывает это событие придворный летописец Фань Е (398–445) в «Истории династии Поздняя Хань», книга «Восточные варвары»:

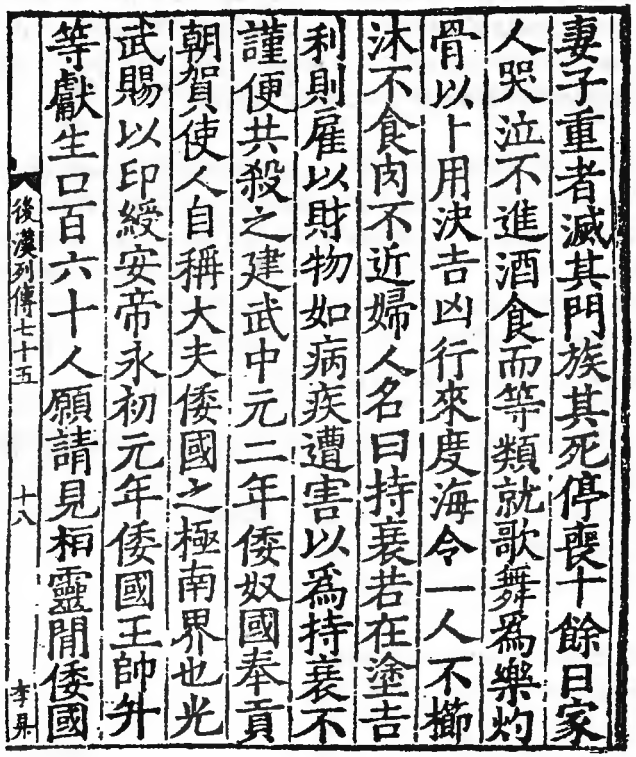
建武中元二年倭奴國奉貢朝賀使人自稱大夫倭國之極南界也光武賜以印綬

Посланник назвался Тайфу. Земля На находится в самой южной части государства Ва. Гуан У-Дзи [Лю Сю] пожаловал посланнику печать на шнурке.

Это самое раннее упоминание о Японии в китайских исторических хрониках[8]. К сожалению, Фань Е не указал,

[8] На самом деле существует еще один памятник — «История династии Ранняя Хань», автор Бань Гу (32–92), где в «Трактате о землеописании» сказано: «В море Ракуро живут люди Ва, и делятся они на сто с лишним государств. Иногда они приезжают к нам и привозят дары». Обычно термин 倭人 понимают как «японцы», и сами японцы по-японски себя называли *ва*. Тем не менее, трудно утверждать с уверенностью, что речь идет о людях, населявших Японский архипелаг. Иероглиф 倭 в Китае использовался для обозначения всех восточных варваров, и смысл иероглифа был «маленькие, ничтожные». По этой

какую именно печать император пожаловал японскому посланнику. Дело в том, что в Китае существовали печати нескольких рангов: деревянная печать с желтым шнурком, бронзовая печать с черным шнурком, серебряная печать с синим шнурком и, наконец, золотая печать с фиолетовым шнурком (самый высокий ранг).


妻子重者滅其門族其死停喪十餘日家人哭泣不進酒食而等類就歌舞爲樂灼骨以卜用決吉凶行來渡海令一人不櫛沐不食肉不近婦人名曰持衰若在塗吉利則雇以財物如病疾遭害以爲持衰不謹便共殺之建武中元二年倭奴國奉貢朝賀使人自稱大夫倭國之極南界也光武賜以印綬安帝永初元年倭國王帥升等獻生口百六十人願請見桓靈閒倭國

後漢列傳七十五 十八 李昇

Рис. 1. «История династии Поздняя Хань». Фрагмент

причине первым упоминанием о японцах принято считать все-таки приведенный выше текст из «Истории династии Поздняя Хань», где подробно написано, откуда именно прибыл посланник, и даже приводится его имя.

Рис. 2. Золотая печать
「漢委奴國王」

В 1784 г. на о. Сика-но сима[9] крестьяне, обрабатывавшие свое поле, случайно обнаружили древнюю золотую печать с выбитыми словами на китайском языке: 「漢委奴國王」. До конца XIX в. считалось, что печать принадлежала царю земли Ито, и надпись читали как «Кан-но Ито-но Кокуо:», «Царь земли Ито, принадлежащей Хань». Земля Ито находилась в нынешней префектуре Фукуока, на полуострове Ито. В 1892 г. Миякэ Ёнэкити (1860–1929) дал этим знакам другое чтение: [Кан-но Ва-но На-но Кокуо], то есть «Царь земли На, что в государстве Ва, принадлежащем Хань». По свидетельству более ранней хроники, «История Троецарствия»[10], земля На находилась близ нынешнего г. Хаката. Интересно, что и сейчас порт г. Хаката называют На-но цу, то есть «Порт земли На». Миякэ считал, что золотая печать принадлежала именно правителю земли На и что это та самая печать, о которой писал Фань Е. Сегодня этого мнения придерживается большинство

[9] Сика-но сима — маленький остров окружностью всего лишь 8 км в начале залива Хаката. С древних времен люди верили, что на этом острове живет бог, который защищает моряков от опасностей. Подробнее см. «Анналы Японии», 12-й год императора Кэйгё.

[10] «История Троецарствия», автор Чэнь Шоу (233–297), датируется концом III в., а «История династии Поздняя Хань» была закончена в 420 г. В основном, эти две хроники рассказывают об одних и тех же событиях, но некоторые события, связанные именно с династией Поздняя Хань, отсутствуют в «Истории Троецарствия». Так, визит японской миссии 57 г. описан только в более поздней хронике, «Истории династии Поздняя Хань».

этого мнения придерживается большинство японских ученых.

Рис.3. О. Сика-но сима

После визита 57 г. отношения между Японией и Китаем стали бурно развиваться. Об этом говорит, например, то, что в 107 г. государство Ва передало в дар второй династии Хань 160 рабов. У власти был император Ань Ди (годы правления 107–126-й), который и принял дар. Кроме того, в «Истории Троецарствия» описывается еще один факт передачи японскому правителю золотой печати: в 239 г. Химико[11], правительница государства Яматай, посылала в Китай миссию от своего имени с богатыми дарами императору Минь[12] и за это получила от Китая статус「親魏倭王」— [Син Ги Вао] «Царица государства Ва, дружественного государству Вэй», а также золотую печать и сто зеркал. Посланник Химико получил серебряную печать.

[11] Царица Химико (???–248) правила древним государством Яматай на территории современной Японии (по различным версиям, Фукуока или район Кинки о. Хонсю).

[12] Император Минь (иначе Минди) — годы жизни 205–239-й, годы правления 226–239-й.

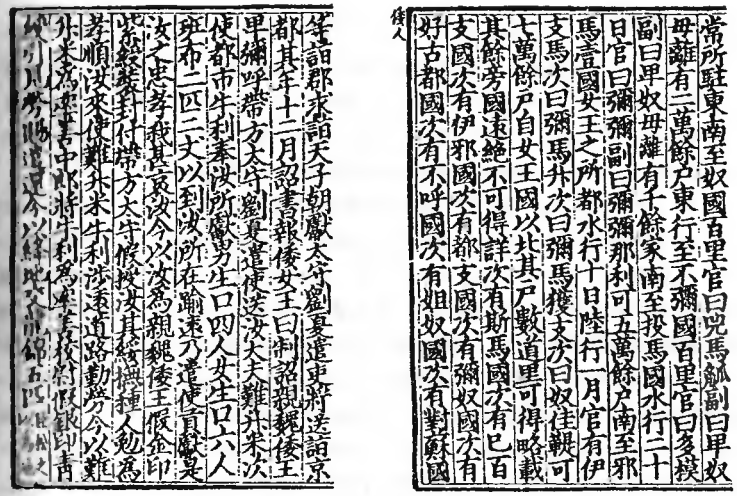


Рис. 4. «История Троецарствия». Фрагменты

Так в глазах японцев иероглифы впервые перешли из разряда узоров в разряд носителей информации.

Распространение китайской письменности в Японии

Итак, на территории Японии появились китайские печати с иероглифами, но остается открытым вопрос: много ли японцев могло их читать? Когда в 57 году японская миссия прибыла ко двору Лю Сю, членам ее приходилось читать перед китайским императором верительные грамоты. Это предполагает присутствие человека, умевшего читать иероглифы (переводчика или атташе), и поэтому ряд энциклопедий утверждает, что иероглифы появились в Японии в I веке. Однако данное обстоятельство еще не говорит о серьезном проникновении иероглифов в японское общество.

Широкое распространение иероглифы приобрели в Японии только в V–VI веках. Переселенцы с материка — из Ко-

реи и Китая — и их дети служили при японском дворе и записывали данные о собираемых с народа податях, а также отвечали за отношения с соседними государствами (Китаем, Кореей). Кроме того, господа разного уровня стремились оставить о себе память в виде родовых записей.

В VI веке из Пэкче пришла буддистская вера. Пока эта индийская религия странствовала по азиатскому континенту, прошло около тысячи лет, поэтому буддизм впитал в себя культуру, религиозную науку и искусство множества стран. В отличие от старой политеистической религиозной системы синто («Путь богов»), буддизм способствовал укреплению централизованной власти, а потому был выгоден императорскому дому. Тогдашний регент Сётоку (настоящее имя — Умаядо, годы жизни 574–622-й) придал буддизму статус государственной религии. Появление в Японии буддистской литературы на китайском языке и санскрите способствовало росту интереса к письменной речи. Постепенно буддистские храмы превратились в очаги просвещения, где обучались грамоте будущие чиновники и дети знатных родителей.

Китайский текст (канбун)

Когда китайская письменность только-только появилась в Японии, японцы старались придерживаться всех правил грамматики и даже пытались читать вслух так, чтобы произношение было китайским. Вот пример стихотворения на китайском языке, автор которого, Кадо-но Окими[13], — японец. Оно взято из сборника китайских стихов, написанных японцами — 「懐風藻」[Кайфу:со:][14].

[13] Кадо-но Окими (669?–705) — внук императора Тэндзи (626–671), годы правления 668–671-й.

[14] «Кайфусо» — «Нежное вспоминание об [ушедших] поэтах», 751 г., самый древний сборник китайских стихов японских авторов, оригинал которого дошел до нас. Там содержится 120 стихов 64 авторов.

素梅開素靨
嬌鶯弄嬌声

Цветут белые сливы.
Поет милый красавчик-соловей...
Чарующей красоты песня льется...
(Пер. автора)

Постепенно японцы начали использовать китайские иероглифы для того, чтобы записывать свой родной язык, а читать китайские тексты стали на японский манер, для чего придумывали разные обходные пути. Например, вначале иероглиф 春 «весна» произносили только [сюн], как было положено в тогдашнем китайском языке, но позже стали читать [хару], то есть использовали слово из ваго (ямато-котоба) с близким значением. Кроме того, порядок иероглифов стали игнорировать, читая так, как удобнее для грамматики родного языка. Получалось, что при чтении вслух японцы, фактически, устно переводили текст с китайского на японский, не используя канго. Японцы начали читать китайский текст как бы по-японски. Такой способ чтения называется кундоку, и отсюда возникла тенденция записывать китайскими иероглифами японскую речь и мысли. При кундоку используют разные знаки, чтобы облегчать чтение, обобщенно они называются кунтэн (подробнее см. главу 3).

Несмотря на огромную разницу между китайским и японским языками, до эпохи Нара (710–794) китайский язык считался в Японии официальным письменным языком. Не только государственные документы, но и личные письма и записки писались по-китайски.

Глава вторая

ЯПОНИЗАЦИЯ КИТАЙСКИХ ТЕКСТОВ

Для японцев было очень сложно писать по-китайски правильно. Недостаточное знание китайского языка приводило к тому, что люди путали между собой сходные иероглифы, нарушали порядок слов, вставляли лишние иероглифы. Короче говоря, вид этих текстов не позволял назвать их стандартным китайским языком. Посмотрим, как трансформировалось использование китайского письменного языка в Японии в период VI–VII вв.

Надпись на нимбе Будды Якуси Нёрай

Надпись на нимбе бронзовой статуи Целителя Будды — Якуси Нёрай[15] — в Золотом храме ансамбля Хорюдзи является великолепным примером японизации китайского языка. Когда японцы пытаются записывать что-нибудь с помощью иероглифов, всегда возникает проблема разницы между китайским текстом и японским текстом. Самое большое отличие — порядок слов, на втором месте — категория вежливости японского языка, требующая особых выражений. Иногда в текст включаются элементы чисто японской лексики, грамматический строй китайского предложения несколько японизируется, в способе выражения находят отражение реалии японской культуры и японский менталитет;

[15] Якуси Нёрай — японский перевод имени Бхайшаджьягурувайдурьяпрабхаджа с санскрита. Сама статуя считается достоянием государства; высота ее 64 см.

это явление называется [васю] — 和臭 (японский запах) или 和習 (японский обычай). Японцы неизбежно привносили в чужой язык японский оттенок, подобно тому, как нижегородские помещики коверкали на свой манер французский язык.

Китайские тексты с японскими элементами называются *хэнтай канбун*. В японской лингвистике принято считать такие образцы уже японскими текстами. Современный ученый по имени Минэгиси Акира в своей книге «Хэнтай канбун» показывает, что среди китайских текстов, написанных руками японцев, бывают произведения с чисто китайской грамматикой и чисто китайской лексикой — 純漢文 [*дзюн канбун*]. Одновременно встречаются тексты, написанные с помощью иероглифов, но на самом деле представляющие собой японский текст; это и есть 変体漢文 [*хэнтай канбун*]. Термин обозначает буквально «искаженный китайский текст».

В своей книге Минэгиси классифицирует китайские тексты, написанные руками японцев, следующим образом:

1. дзюн канбун;
2. китайский текст с элементами японского языка;
3. хэнтай канбун;
4. маганабун (манъёганабун).

Среди этих четырех вариантов последние три в широком смысле все относятся к хэнтай канбун.

Вот образец текста хэнтай канбун, надпись на нимбе бронзовой статуи Якуси Нёрай в Золотом храме ансамбля Хорюдзи[16]. Надпись датируется 607 г., она считается самым древним подлинным текстом, дошедшим до нас.

池辺大宮治天下天皇　大御身労賜時　歳次丙午年
召於大王天皇与太子而誓願賜　我大病太平欲坐
故将造寺薬師像作仕奉詔　然当時崩賜

[16] Хиракава Минами и др. Кодай Нихон-но модзи сэкай. Мир письменности древней Японии. Токио, 2000. С. 127–131.

造不堪者　小治田大宮治天下大王天皇及東宮聖王
大命受賜而　歳次丁卯年仕奉

Император Ёмэй[17] заболел и в первый год Ёмэй[18] позвал младшую сестру и сына. И сказал: «Хочу исцелиться, а потому желаю строить храм и статую Целителя Будды». Но Его величество скрылся за облаками во второй год Ёмэй. Он не успел достроить храм, и потому его младшая сестра, став императрицей Суйко, и сын упокоившегося императора принц Сётоку по желанию упокоившегося императора Ёмэй в пятнадцатый год Суйко[19] все исполнили. (Пер. автора.)

В этом тексте мы рассмотрим следующую часть:「故将造寺薬師像作」 Попробуем прочитать это предложение по-японски:「故、寺を造り、薬師像を作らむ」 Там, где в оригинале написано「造寺」, глагол стоит впереди, а объект действия, как и положено в китайском языке, потом. С другой стороны, в этом же тексте есть такой пример:「薬師像作」, то есть объект действия, статуя Будды, стоит в начале, а глагол идет следом. В одной и той же надписи мы находим порядок слов как китайский, так и японский.

Обратите внимание на эту фразу:「造不堪者」. Там есть иероглиф 「者」. В китайском языке этот иероглиф используется, чтобы выделять важную мысль. В японском языке ту же роль играет частица 「は」 [*ва*]. Кроме того, тот же иероглиф может применяться для выражения условия или предположения, то есть появляется нюанс («если то-то и то-то...»). В надписи на нимбе Будды по контексту понятно: «поскольку не смог строить», то есть этот иероглиф отделился от китайского выражения и передает японское [*ба*], а потому может переводиться «потому». Получается, что эта надпись выполнена в стиле хэнтай канбун, то есть выглядит как китайский текст, но читается как японский.

[17] Ёмэй (540–587), годы правления с 585-го до 587 г., XXXI император, отец принца Сётоку.

[18] 586 г.

[19] 607 г.

Что касается категории вежливости, то после слова «император» есть такая фраза:「大御身労賜時」. Среди этих иероглифов「大」и「御」 являются выражением вежливости. Они существуют и в китайском языке, а потому не являются доказательством того, что тогдашние японцы читали этот текст по-японски. Однако посмотрим такое выражение:「労賜」. Среди этих иероглифов「労」обозначает «заболел», и после него идет「賜」. Это слово обозначает «дарить» в случае, когда вышестоящее лицо дарует что-либо нижестоящему, но здесь оно использовано в качестве вспомогательного слова, придающего значение вежливого предыдущему слову. Такое словоупотребление соответствует нормам японского, а не китайского языка.

В хэнтай канбун используют не только канго, там появляется и ваго (ямато-котоба) — японская лексика. Например, слово *канэтэёри*, «заранее», писали「従兼」, но иероглиф 「兼」 не несет в себе смысла «заранее». Тем не менее, он имеет кунное чтение *канэру*. Из-за совпадения звучания вместо слова «заранее» использовали японский омоним слова *канэру*, который обозначает «совмещать». Так же слово「被」обозначает в китайской грамматике пассив (при чтении китайского текста по-японски это слово надо читать [ру] или [рару]), а древние японцы использовали это слово для выражения вежливости. Таким образом, либо правила использования иероглифов изменяются, либо китайская грамматика подправляется с точки зрения японской. Такие тексты уже нельзя называть китайскими.

«Конституция из семнадцати статей»

В начале VI века старая система государства Японии потеряла устойчивость, усилилась борьба за власть между силь-

ными родами, политическое положение стало опасным. В то же время на материке в Китае образовалось царство Суй (581–618), и возникла угроза того, что Япония станет колонией Китая. В 593 году взошла на престол императрица Суйко (554–628 гг., правила в 592–628 гг., тридцать третий монарх на японском престоле), а ее племянник, принц Сётоку, стал регентом. Сётоку хорошо понимал, что в такой обстановке необходимо защищать суверенитет Японии, и в течение тридцати лет прилагал немало усилий для укрепления центральной власти, весьма в этом направлении преуспев. Одним из его великих дел было составление в 604 году «Конституции из семнадцати статей»: 「十七條憲法」 [Дзю:нана-дзё: Кэмпо:] (японское чтение [ицукусики нори то:амари нана оти]). Полный текст этого документа содержится в «Анналах Японии». Как все важные документы той эпохи, этот документ был написан на китайском языке. Вот как выглядит первая статья:

一曰、以和爲貴。無忤爲宗。人皆有黨。亦少達者。是以、或不順君父。乍違于隣里。然上和下睦、諧於論事、即事理自通。何事不成。

Запомните, мир прежде всего, да не будет в вас духа мятежности. Вы разбиты на кланы, но мало кто осознает, что сие есть зло. Есть такие, что противостоят императорскому престолу. Есть такие, что воюют с другими городами. Однако же когда есть мир наверху и внизу и когда все дела творятся по закону, то жизнь течет спокойно и приносит благо[20]. (Пер. автора.)

До недавних пор считалось, что «Анналы Японии» написаны на чистом китайском языке, но в последнее время

[20] Подробнее о Конституции Сётоку см.: Законодательные акты средневековой Японии / Пер. с яп. Вступ. ст., коммент. Попов К. А. М., 1984.

ученые стали подробнее изучать древние памятники на предмет васю, и в результате оказалось, что в «Анналах Японии» довольно часто встречаются японская лексика и выражения, основанные на японском менталитете.

«Манъёсю»[21]

В полном соответствии с духом своей конституции принц Сётоку стремился защищать буддийскую веру и потому отправил миссию в Китай, где тогда царствовала династия Суй (581–618). Он желал перенять высокоцивилизованную континентальную культуру и выстроить подобное государство у себя.

Для того чтобы готовить кадры для службы при дворе, Сётоку выстроил университет в столице и школы в провинции. Там преподавали конфуцианство, право и китайскую литературу, которая вскоре стала главным предметом. После реформы Тайка в 645 году вышло высочайшее повеление всем придворным знать иероглифы, поэтому грамотность быстро распространилась. За сто тридцать лет (с 629 г. при императоре Дзёмэе — до 759 г. при императоре Дзюннине) было записано 4516 песен (вака), которые создавались в течение 400 лет со времен императора Нинтоку (царствовал в 313–399 гг.). Так появился двадцатитомный сборник 「萬葉集」 [Манъёсю] («Собрание мириад листьев») — самый первый сборник японских песен *вака*.

Благодаря тому, что китайское государство Тан (618–907) приветствовало изучение японцами китайских литературных произведений, японцы хорошо освоили иероглифику и начали выражать свою родную речь с помощью систем чтений 音 [он] (китайская) и 訓 [кун] (японская). Среди японцев появились такие, чья душа открылась поэзии, и это очень помогло развитию искусства 和歌 [вака].

[21] Все цитаты из «Манъёсю» даны в пер. А. Е. Глускиной.

Вака делились на два типа: 長歌 [тё:ка] и 短歌 [танка]. Танка (буквально «короткая песня») состоит из 31 слога, 5–7–5–7–7. Начало стихотворения танка 5–7–5 называется 上句 [ками-но ку], а окончание 7–7 называется 下句 [симо-но ку]. Однако если начало и окончание читают разные люди, начало называется 長句[тё:ку], а окончание — 短句 [танку]. Во времена «Манъёсю» существовал обычай писать песни танка вдвоем, такие песни называются 短連歌 [танрэнга́].

С конца эпохи Хэйан, а особенно в эпохи Камакура и Муромати, стало модно сочинять песни большой компанией, причем делали так: первый поэт сочинял сегмент 5–7–5, второй 7–7, третий опять 5–7–5, четвертый опять 7–7, и так продолжалось 36 или 100 раз, в зависимости от настроения собравшихся. Каждому следующему участнику важно было сохранить смысловую связь с предыдущими сегментами, чтобы в результате все могли полюбоваться законченным произведением. Такие длинные песни коллективного авторства назывались 長連歌 [тёрэнга]. Самый первый сегмент песни *тёрэнга* назывался 発句 [хокку], второй 脇 [ваки], третий 第三 [дайсан], самый последний 挙句[агэку][22].

В эпохи Камакура и Муромати среди аристократов стали популярны вечера поэзии 連歌の会 [рэнга-но э], иногда на таких вечерах присутствовал сам император. Самый уважаемый из приглашенных сочинял первый сегмент — хокку и тем самым задавал тему. Собравшиеся сочиняли один сегмент за другим, стараясь одновременно показать быстроту мысли и поэтический талант. Существовали всевозможные правила: например, заранее выбирали какое-то слово, которое разрешалось использовать за всю песню *тёрэнга* только один раз. Или так: если развитие одной темы прерывалось (например, несколько человек говорили о любви, а следующий не нашел, что сказать о любви, и заговорил о мудрости),

[22] От этого слова возникло выражение 挙句の果てに [агэку-но хатэ-ни] — «в конце концов»

то вновь вернуться к этой теме можно было только через пять сегментов. Для каждой *тёрэнга* можно было придумывать новые условия. Среди участников назначали судью, который следил бы за соблюдением всех правил. Это была не просто игра: чтобы не ударить в грязь лицом, участники должны были обладать знаниями об окружающем мире, о человеческих чувствах, о философии.

Это было устное творчество, а потому все вака написаны японцами на их родном языке. При записи их китайскими иероглифами поэты находили необычные способы их использования, чтобы точнее передать смысл, и часто иеро́глиф был не просто грамматической единицей, а играл роль зрительного образа. Вот пример танка из первого тома «Манъёсю», 20 песня, автор Нуката-но Окими (годы жизни неизвестны).

茜草指　武良前野逝　標野行　野守者不見哉　君之袖布流

аканэсасу мурасакиноюки симэноюки номоривамидзуя киминосодэфуру

Иду полями нежных мурасаки, скрывающих пурпурный цвет в корнях, иду запретными полями, и, может, стражи замечали, как ты мне машешь рукавом?

В этой песне следует обратить внимание на три последние иероглифа [содэфуру]. Из них первый обозначает слово «рукава» в соответствии со своим значением, а два других использованы как фонетические знаки для обозначения японского глагола *фуру*, «махать». Однако из этих двух иероглифов первый, *фу*, имеет собственное значение «ткань», а последний, *ру*, имеет собственное значение «поток, течение». При чтении этого места сразу возникает образ развевающейся ткани, текущей по ветру, как горный поток.

Тёка (буквально «длинная песня») основана на стихотворном размере 5–7, этот размер повторяется не менее трех раз, а в конце добавлено еще 7 слогов, например: 5–7–5–7–5–7–7. Иногда в конце тёка добавлялась еще одна короткая песня в форме танка (31 слог), которая называлась 反歌 [ханка]. Это делалось, когда автор хотел обобщить сказанное или если он не успевал закончить свою мысль в основной тёка. Сегменты ханка особенно характерны для «Манъёсю». После эпохи Нара тёка вышла из моды, и с эпохи Хэйан (794–1192) вака и танка стали синонимами.

Вот пример тёка *из первого тома «Манъёсю», вторая песня.*

Когда император Дзёмэй поднялся на гору Аманокагуяма и окинул взором свое государство, ему было угодно сочинить такую песню:

山常庭　村山有等　取與呂布　天之香具山　騰立　國見乎為者
國原波　煙立籠　海原波　加萬目立多都　怜可國曽　蜻嶋
八間跡能國者

яматонива мураямаарэдо тоёкорофу аманокагуяма ноборитацу кунимиосурэба кунахарава кэмуритатитацу унахарава камомэтатитацу а:умасикунисо акицусима яматонокунива[23]

Разные горы есть в Ямато,
Но среди них благороднее всех Аманокагуяма.
Когда стоишь на вершине
И царство обводишь взором, видишь:
Поднимается дым над землей[24].

[23] В этой песне размер 5–7–5–7–5–7–5–7–5–7–7–5–7. Последний сегмент 5–7 говорит о том, что это раннее произведение, созданное до того, как стандартная форма тёка окончательно затвердилась.

[24] Имеется в виду дым от многочисленных очагов, где готовят ужин для семей.

Над морем чайки крылья раскрыли.
О, прекраснейшая из стран — остров тысяч стрекоз[25], Ямато!

Самые первые пять слогов, *яматонива*, «в Японии» записаны иероглифами горы-всегда-сад, то есть в качестве фонетических знаков выбраны те, которые и по смыслу близки теме песни. Император любуется своим царством — горной страной, плодородными садами. В конце песни то же слово, Ямато, записано совсем по-другому: восемь-пространство-место. Цифра 8 у японцев имела смысл «множество», император гордится необъятными просторами своего царства. Современным людям Япония кажется маленькой страной, научные знания сегодняшнего дня мешают понять эту песню. На какое-то время нужно забыть об учебниках географии и стать императором Дзёмэем, чьи чувства говорят с нами через зрительные образы китайских иероглифов и мелодию японских звуков.

Все *вака* (танка и тёка) написаны именно таким образом. Поэт использует иероглифы для передачи звука и опирается на произношения *он* и *кун*. Такое правописание можно встретить в документах VI в., где так записаны собственные названия меча и зеркала. Во время эпохи Нара оно широко распространилось и применялось для написания исконно японских слов. Иероглифы использовались для передачи звуков родного языка и стали своеобразным алфавитом-каной, смысл знаков учитывался не всегда. В один и тот же период времени сосуществовали несколько правил использования иероглифов.

1. Сэйон 「正音」 («правильное произношение»): использование иероглифов с учетом китайского произношения и смысла. Ниже жирным шрифтом выделено то место, где автор использует сэйон.

[25] Считалось, что стрекозы живут там, где много плодородных рисовых полей, а значит — в богатых землях.

«Манъёсю», 16 том, 3846-я песня. Автор неизвестен.

法師等之 鬚乃剃杭 馬繋 痛勿引曽 僧半甘

хо:сирага хигэносорикуи умацунаги итакунахикисо хо:сиванакаму

Вместо леса пышной бороды
У монахов лишь пеньки одни торчат.
Можешь привязать к пенькам коня,
Да не дергай сильно впопыхах:
Заревет от боли наш монах.

Здесь написано слово хоси («монах»). И звук, и смысл этого слова совпадают с нормой китайского языка.

2. Сэйкун「正訓」(«правильное толкование»): использование иероглифов с учетом китайского смысла, но японского чтения. Ниже жирным шрифтом выделено то место, где автор использует сэйкун.

«Манъёсю», 7 том, 1078-я песня. Автор неизвестен.

此月之 此間来者 且今跡香毛 妹之出立 待乍将有

коноцукино коконикитарэба иматокамо имогаидэтати матицуцуарураму

Если светлая эта луна
Появилася здесь,
То, наверное, милая вышла из дома
И меня ожидает, и думает:
«Может, сейчас он придет?»

Выделенное слово читается [цуки], смысл («луна») совпадает со смыслом этого китайского иероглифа, но используется японское, *кунное* чтение.

3. Сякуон「借音」(«заимствованное произношение»): использование иероглифов без учета китайского смысла, но с учетом китайского произношения. Правило сякуон было наиболее распространенным. Из-за того, что этим способом написан сборник «Манъёсю», такая письменность получила название「萬葉仮名」«манъёгана» или「真仮名」«магана». Один знак передает обычно только один слог, реже — два или три. Иногда два знака вместе передают один или два слога. Ниже жирным шрифтом выделено то место, где автор использует сякуон.

«Манъёсю», 5 том, 793-я песня. Автор Отомо-но Табито (665–731).

余能奈可波 牟奈之伎母乃等 志流等伎子
伊与余麻須万須 加奈之可利家理

ёнонакава мунасикимоното сирутокиси иёёмасумасу канасикарикэри

Теперь, когда известно мне,
Что мир наш суетный и бренный,
Никчемный и пустой,—
Все больше, все сильней
Я тяжкой скорби преисполнен!

Выделенные иероглифы имеют смысл «лишний-способности-почему-можно», но автор значение знаков проигнорировал и использовал только их *онное* чтение [ёнонака], что по-японски означает «мир». Иероглифы здесь играют роль фонетической азбуки.

4. Сяккун「借訓」(«заимствованное толкование»): использование иероглифов без учета китайского смысла и без учета китайского произношения, *кунное* чтение данного иероглифа совпало с другим японским словом, и это позволило использовать этот знак для передачи нужного звука. Пре-

имущество этого способа в том, что он очень простой и позволяет экономить количество букв. Ниже жирным шрифтом выделено то место, где автор использует сяккун.

«Манъёсю», 11 том, 2720-я песня. Автор неизвестен.

水鳥乃 鴨之住池之 下樋無 欝悒君 今日見鶴鴨

мидзуторино камоносумуикэно ситабинами ибусэкикимио кё:мицурукамо

Нету стока,
Заперта вода в пруду,
Птицы водяные — утки там живут...
Ах, сегодня увидала я тебя,
От которого я сердце заперла.

Выделенные иероглифы означают журавль-утка, но никакой связи с журавлем и уткой здесь нет, эта фраза [ми-цурукамо] означает: «Наверное, я мог увидеть». Однако здесь есть один нюанс. В самом начале этой песни сказано про водяных птиц, и по смыслу песни *цурукамо* считается удачным выбором — не только передана грамматическая конструкция, но и зрительно сохранена гармония со смыслом этой танка.

5. Фудзакэ-ёми「戯訓」— «чтение-игра», «каламбур». Ниже жирным шрифтом выделено то место, где авторы используют фудзакэ-ёми.

«Манъёсю», 8 том, 1495-я песня. Автор Отомо-но Якамоти (718–785).

足引乃 許乃間立八十一 霍公鳥 如此聞始而 後将戀可聞

асихикино кономататикуку хототогису какукикисонэтэ нотикоимукамо

У склонов распростертых гор
Между деревьев притаился я,
Кукушка!
В первый раз услышав голос твой,
Как после без тебя я буду тосковать!

Выделенное место должно читаться [куку], но мы видим цифру 81. Читатель должен догадаться, что 81=9·9, а «девять» по-японски — *ку*.

«Манъёсю», 9 том, 1787-я песня. Автор Каса-но Канамура (годы жизни неизвестны). Тёка.

虚蝉乃 世人有者 大王之 御命恐弥 礒城嶋能 日本國乃 石上 振里尓 紐不解 丸寐乎為者 吾衣有 服者奈礼奴 毎見 戀者雖益 色二山上復有山者 一可知美 冬夜之 明毛不得呼 五十母不宿二 吾歯曽戀流 妹之直香仁

уцусэмино ёнохитонарэба о:кимино микотокасикоми сикисимано яматонокунино исоноками фуруносатони химотокадзу маронэосурэба агакитару коромованарэну мируготони коивамасарэдо ирониидэба хитосиринубэни фуюноёно акасимоэнуо имонэдзуни арэвадзоко:ру имогатадакани

Оттого что на земле
Я лишь бренный человек,
С трепетом приказу вняв
Государя своего,
Я в селении Фуру,
В Исоноками,
Что в Ямато есть, в стране
Распростертых островов,
Не развязывая шнур,
Сплю теперь совсем один...
И в разлуке без тебя

Платье бедное мое
Загрязнилось, все в пыли...
Каждый раз, как погляжу
На него,
Растет тоска.
По страданью на лице
Люди могут все узнать,
И поэтому зимой, темной ночью
Каждый раз до рассвета я лежу,
Не могу забыться сном...
О, как я тоскую здесь,
Вспоминая облик твой!

Здесь автор предлагает читателям решить ребус: «цвет-над горой есть еще гора», что бы это значило? Если представить это в виде иероглифов, сразу становится ясно, речь идет о глаголе 出 «идзу»: «цвет, появляясь на лице, выдает эмоции человека». При чтении вслух надо сразу читать [идэ], иначе не только нет никакого смысла, но и нарушается ритм стиха.

Следует отметить, что и в Китае существовало подобное явление: иногда собственное значение иероглифа игнорировалось, и использовалось только произношение[26]. При этом автор, подбирая иероглиф для фонетического отображения, иногда использовал субъективную оценку отображаемого слова. Например, в древних китайских хрониках 「三国志」 «Сань го чжи»[27], книга Вэй Чжи, есть раздел о восточных варварах (то есть в том числе о японцах), и там рассказывается о посланниках царицы Химико. Когда Чэнь Шоу писал ее имя, для обозначения звука [хи] он использовал иероглиф 「卑」, который обозначает «ничтожный». Царство Яматай он передал на письме как 「邪馬壹國」, где первый иероглиф [я] обозначает «варварский». По этим примерам можно понять, каким было отношение к Японии со стороны Китая (см. иллюстрацию «История Троецарствия. Фрагменты»).

[26] Китайский ученый Сюй Шэнь (неточно 58–147) времен Второй династии Хань классифицировал китайские иероглифы по шести категориям: идеограммы, пиктограммы, идеофонограммы, указательные, особое чтение и «заимствование». Последняя категория как раз включала в себя иероглифы, которые использовались чисто фонетически, без учета их собственного значения.

[27] «Сань го чжи» — «История Троецарствия», летописец Чэнь Шоу (233–297).

Толкование текстов

Итак, манъёгана допускает существование вариантов правописания. Действительно, всегда можно подобрать несколько иероглифов, которые соответствовали бы звучанию одного японского слова, а строгого единого правила не было. Это очень осложняет интерпретацию исторических текстов. С этой точки зрения танка представляет собой бесценный источник для изучения связи между письменностью и произношением в древней Японии. Например, некоторые песни записаны и в «Кодзики», и в «Нихон сёки», и среди них есть одна танка, которая широко известна. Эта песня записана манъёганой по принципу «один иероглиф — один звук», то есть для нее используется 31 иероглиф:

«Кодзики»
夜久毛多都伊豆毛夜幣賀岐都麻碁微爾夜幣賀岐都久流曾能夜幣賀岐袁

«Нихон сёки»
夜句茂多菟伊弩毛夜覇餓岐菟磨語昧爾夜覇餓枳菟倶盧曾廼夜覇餓岐廻

Чтение:
якумотацу идзумояэгаки цумагомини яэгакицукуру соноякакио

Перевод:

В Идзумо, где в восемь гряд облака встают, покои в восемь оград, чтобы укрыть жену, покои в восемь оград воздвиг, да, те покои в восемь оград! (Пер. Н. И. Фельдмана)

Видно, что в двух источниках эта танка записана по-разному, но количество иероглифов неизменно, и стихотворный размер позволяет легко прочитать текст. Если бы это была тёка, задача оказалась бы намного труднее, поскольку сама песня могла быть достаточно длинной.

Кроме того, не будем забывать про исключения из правила 5–7: 字余り [дзиамари] и 字足らず [дзитарадзу]. Дзиамари — это явление дополнительного слога, то есть вместо 5–7 автор вынужден использовать 5–8. Дзитарадзу — это, наоборот, явление недостающего слога, то есть вместо 5–7 автор пишет 5–6. Это исключение допускалось и в тёка, и в танка, но в танка его можно легко заметить, а в тёка, где длина и непредсказуемые семерки и так усложняют толкование, дзитарадзу и дзиамари делают задачу исследователя почти невыполнимой.

В тех случаях, когда принцип «один иероглиф — один звук» чередуется со случаями, когда один иероглиф передает два и более звука или когда два иероглифа передают один звук, понять может быть сложно даже песню танка. Так, у песни Нуката-но Окими (9-я песня из I тома «Манъёсю») существует 30 способов чтения и, соответственно, толкования (это относится к части, выделенной ниже жирным шрифтом).

莫囂圓隣之 大相七兄爪湯氣 吾瀬子之 射立為兼 五可新何本

Для сравнения предлагаем толкования XIII и XVII веков.

Буддистский монах по имени Сэнгаку (1203–1242), который изучал «Манъёсю» по указу IV сёгуна военного правительства Камакуры, Минамото-но Ёрицунэ (1218–1256), дает следующую транскрипцию:

Ю:цукино аогитэ тоиси вага сэкога итатасэрикэму ицукасига мото

и следующий перевод:

На ночную луну
Подняла я свой взор и спросила:
«Милый мой
отправляется в путь.
О, когда же мы встретимся снова?»

Рис. 5. Кэйтю:

Совсем другой вариант предложил монах Кэйтю (1640–1701), который изучал «Манъёсю» в середине эпохи Эдо (1603–1867) при поддержке князя Токугава Мицукуни (1628–1700), властелина княжества Мито.

Вот транскрипция Кэйтю:

Ю:цукиси оои хинасэсо кумо вагасэкога итатасэрикэму ицукасига мото

и такое толкование:

О облака! Не закрывайте ночную луну.
Я ею любуюсь, стоя под ветвями дуба,
Где раньше мой милый стоял.
(Пер. автора)

Уже к X веку японцы разучились читать тексты, написанные при помощи манъёганы. Японский ученый Минамото-но Ситагау (911–983) предложил фонетические метки и снабдил ими весь текст «Манъёсю». Сборник «Манъёсю» считается очень важным материалом для изучения иероглифической культуры Японии, являясь примером письма, переходного от китайского иероглифического текста к японской письменности.

Глава третья

ОТ МАНЪЁГАНЫ К СЛОГОВОЙ АЗБУКЕ (КАНЕ)

Как было показано, японцы, заимствовав систему письменности у китайцев, вначале сохраняли несколько неестественное положение дел, когда говорили на родном языке, а писали на иностранном. Впрочем, так не могло продолжаться бесконечно, японский язык неизбежно начинал проникать и в письменную речь, вскоре возникла необходимость отражать на письме чисто японскую лексику и грамматический строй японского языка (служебные слова и связки, спряжение глаголов). Манъёгана стала тем способом использования китайской грамоты, который впервые позволил японцам писать тексты на родном языке.

Древние образцы манъёганы

До 1998 г. самым древним образцом манъёганы, дошедшим до нас, считались надписи на потолке башни Годзюното являющейся частью того же ансамбля Хорюдзи, где стоит бронзовая статуя Целителя Будды (см. выше). Надпись представляет собой не что иное, как «граффити», оставленные строителями, и датируется началом VIII века. Примечательно, что древние строители исписали потолок не нецензурными выражениями, а стихами: это была очень известная «Песня о бухте Нанива» («Нанивадзу-но ута»).

В ноябре 1998 г. в префектуре Токусима (о. Сикоку) во время раскопок на территории храма Каннон была обнаружена деревянная дощечка, где манъёганой написана песня

вака. Такие деревянные дощечки назывались 木簡 [моккан], их использовали вместо бумаги как доступный, дешевый и долговечный материал для письма — как когда-то в России использовали березовую кору. Моккан, найденная в Токусиме, представляла собой «страничку» из школьных прописей. Обычно такие дощечки бывают размером 30×15 см, а иногда и больше, а эта — очень маленькая, размером всего 16×4,3 см. На ней безымянный ученик тренировался писать иероглифы и старательно выводил тушью еще корявые знаки один за другим: «Нанивадзу-ни сакуя коно хана». Это первые двенадцать иероглифов той же «Песни о бухте Нанива». Из 12 знаков невооруженным глазом четко видны только первые четыре: 奈尓波ツ, — и по их форме сразу можно догадаться, что писал начинающий. Эта находка датируется второй половиной VII века и на данный момент считается древнейшим из образцов песен вака, записанным при помощи манъёганы.

Считается, что «Песню о бухте Нанива» сочинил Вани (см. Главу первую). Когда император Нинтоку (?–399, годы правления 313–399-й) еще был принцем в г. Нанива (нынешний г. Осака), тогдашний наследный принц Удзи-но Ваки Ицурако (годы жизни неизвестны) предложил ему право престолонаследия, и сводные братья три года уговаривали друг друга, пока, наконец, императором не стал Нинтоку. Сцену уговоров однажды увидел Вани, и ему показалось очень странно, что оба принца отказываются от престола, да еще целых три года. Когда же Нинтоку все-таки согласился стать императором, Вани написал эту *вака* и подарил ему. Цветущие сливы — первые весенние цветы — символизировали радость поэта, который с воодушевлением принимал нового главу Японского государства.

難波津に咲くやこの花冬ごもり今は春べと咲くやこの花

Нанивадзуни сакуяконохана фуюгомори имавахарубэто сакуяконохана

Распустились цветы в бухте Нанива на побережье,
Будто нам говоря, что зима сменилась весной.
Распустились цветы на деревьях!
(Пер. А. Долина)

Эту песню часто использовали для обучения чистописанию, подобно тому, как русских первоклассников обязательно заставляют писать фразу «Мама мыла раму». Этот факт подтверждает Ки-но Цураюки в своем предисловии к «Собранию старых и новых японских песен», а Мурасаки Сикибу и Сэй Сёнагон упоминают «Песню о бухте Нанива» в своих произведениях именно как пример очень простого и известного текста:

この二歌は、歌の父母のやうにてぞ、手習ふ人のはじめにもしける。

«Две эти песни ["Нанивадзу-но ута" и "Асакаяма-но ута"] считаются отцом и матерью поэзии, приводятся в начале всех пособий по обучению каллиграфии»[28].

ゆくての御ことは、なほざりにも思ひたまへなされしを、ふりはへさせたまへるに、聞こえさせむかたなくなむ。まだ「難波津」をだに、はかばかしう続けはべらざめれば、かひなくなむ。

«И что я могу Вам ответить? Увы, это дитя и "Нанивадзу" вряд ли сумеет написать до конца, стоит ли обращаться к ней?»[29].

[28] Ки-но Цураюки. Кокинвакасю. Собрание старых и новых песен Японии / Пер. со старояп. А. Долина. Т. 1. М., 1995. С. 39.

[29] Мурасаки Сикибу. Гэндзи-моногатари. Повесть о Гэндзи. Кн. 1. М., 1989. С. 97.

御硯とりおろして、「とくとく、ただ思ひまはさで、難波津もなにも、ふとおぼえむ言を」と責めさせたまふに、などさは臆せしにか、すべて面さへ赤みてぞ思ひ乱るるや。

«Государыня передала нам свою тушечницу. Скорее! Не раздумывайте долго, пишите первое, что на ум придет, хоть "Нанивадзу"», — стала она торопить нас»[30].

Важным фактом является то, что эти образцы манъёганы созданы простыми людьми, а не аристократами, а значит, грамотность перестала быть уделом знати. На некоторых дощечках *моккан* один и тот же иероглиф повторяется несколько раз, то есть кто-то тренировался писать правильно. Прописи, принадлежащие нетвердой руке взрослого ученика, могут вызвать снисходительную улыбку, но на самом деле они показывают растущее значение письменности. Японцы понимали, что за письменным словом стоит огромная сила. Наглядно это видно по указам вышестоящих лиц, которые писались на дощечках большого размера крупными иероглифами. Величина иероглифов говорила о важности сообщения и о власти автора указа. Низ такой дощечки заостряли, чтобы ее можно было воткнуть в землю в людном месте.

Граффити на стене храма и многочисленные дощечки *моккан* свидетельствуют о том, насколько широко письменность распространилась в Японии за сравнительно короткий срок.

Сэммё

В китайском языке почти нет служебных слов, тогда как в японском есть падежные показатели, связки и частицы. Кроме того, китайские глаголы не спрягаются, а потому за-

[30] Сэй Сёнагон. Макура-но Соси. Записки у изголовья. М., 1975. С. 39.

писывать иероглифами окончания японских глаголов оказывается проблематично. Этот вопрос решали, записывая эти элементы при помощи манъёганы. Когда же нужно было записать существительное, корень глагола или прилагательного, использовали иероглифы с учетом их собственного значения.

宣命 «Сэммё:» — устный текст, передающий указ императора. До эпохи Нара император рассылал гонцов, которые зачитывали людям его распоряжения. Текст указа необходимо было записывать так, чтобы гонец мог легко прочитать его вслух, а народ бы правильно понял суть указа. Такой способ написания текста называется 宣命書き «сэммё:гаки», а стиль — 宣命体 «сэммё:тай».

После того как в древней Японии появилось государство[31], резко возросло количество указов и распоряжений, которые, конечно, нужно было записывать и читать. Расцвет бюрократии привел к тому, что количество грамотных людей увеличилось. Свитки с указами развозились гонцами по всей стране в больших повозках, и чтобы ничего не перепутать, содержимое повозки аккуратно подписывали: ставили сверху деревянную дощечку *моккан* с адресом. Чтобы послать обыкновенную посылку или отправить груз, простые люди делали то же самое: тогда нередко можно было увидеть большой воз риса, к которому прикреплена такая дощечка с несколькими иероглифами. Люди писали записки для себя, чтобы не забыть о чем-нибудь, и тоже использовали деревянные дощечки. Благодаря усилиям археологов, немало их теперь доступно для исследователей, и большинство написаны в стиле сэммётай. Среди текстов, написанных способом сэммёгаки, есть синтоистские молитвы *норито*. Примечательно, что по сей день в религии синто молитвы пишут и читают так, как было принято в древности — в стиле сэммётай.

Тексты, написанные в стиле сэммётай, разделяются на два типа. В более старых все иероглифы, смысловые и

[31] Появилось рицурё — гражданский и уголовный кодекс.

вспомогательные, одного размера, этот тип записи называется 宣命書き大書体 «сэммё:гаки тайсётай». В более новых служебные слова написаны иероглифами маленького размера, и этот тип называется 宣命書き小書体 «сэммё:гаки сё:сётай». Зрительно эти два типа резко отличаются друг от друга. Сравните:

祓詞
掛介麻久母畏伎伊邪那岐大神筑紫乃日向乃橘小戸乃阿波岐原爾御禊祓閉給比志時爾生里坐世留祓戸乃大神等諸乃禍事罪穢有良牟乎婆祓閉給比清米給閉登白須事乎聞食世登恐美恐美母白須[32]

Чтение:

Хараи котоба. Какэмакумо касикоки Идэанаги-но о:ками Цукуси-но Химука-но Татибана-но Одо-но Авагихара-ни мисоги хараэ тамаиси токими наримасэру хараэдо-но о:камитати мороморо-но магагото цумикэгарэ арамуоба хараэтамаи киёмэтамаэто мо:сукото-о кикосимэсэто касикоми касикомимо мо:су.

Перевод:

Молитва для очищения. С трепетом произносят уста мои имя великого бога Идзанаги. О великие боги, которых породил он, очищая себя в поле Авагихара, что в краю Одо, который находится в земле Татибана, в провинции Химука, на острове Цукуси! От многочисленных злых дел и грехов, которые я совершил, избавьте меня и очистите меня. Услышьте слова мои, которые я говорю со страхом и ужасом. (Пер. автора.)

[32] В 1946 г. Главное учреждение синтоистских храмов Японии приняло данный текст на основе традиционного варианта, он является стандартным и доступен во всех храмах.

宣命
天皇詔旨良麻止勅久菅野眞道朝臣等三人前日本紀与利以来未修継在留久年乃御世後世乃行事乎勘捜修成弖続日本紀四十巻進留労勤美誉美奈毛所念須故是以冠位挙賜治賜波久止勅御命乎聞食止宣[33]

Чтение:

Сэммё. Сумэрага о:микото рамато норитамаваку Сугано-но Мамити асомира митари сакино нихонгиёри коноката имада осамэцугадзуару хисасикитосино миёно тиёно гё:дзио кангаэ мотомэ осамэнаситэ сёку нихонги ёсомакио татэмацуру итадзукио исосими уцукусимо намо омохосимэсу карэкокоомотэ кагафури кураи агэтамаи осамэтамавакуто норитамау о:микотоо кикосимэсаэто норитамау.

Перевод:

***Указ** [императора Камму о награждении летописцев, работавших над «Продолжением "Анналов Японии"»][34]. «Анналы последующих записей о Японии»[35]. Том 5.*

Так возглашает император: Три чиновника в чине асоми, в том числе Сугано-но Мамити, изучили то, что произошло за долгие годы после того, как завершены были «Анналы Японии», и собрали все в сорока томах «Продолжения "Анналов Японии"», и преподнесли нам, за что мы благодарим их и награждаем короной и повышением в чине. Указ, нами возглашенный, исполняйте — так мы возглашаем. (Пер. автора.)

[33] Текст доступен на сайте Киотоской государственной библиотеки.

[34] «Продолжение анналов Японии» — «Сёку Нихонги», 797 г.

[35] «Анналы последующих записей о Японии» — «Нихонкоки». 840 г.

Как видно из этих примеров, *хараи котоба*, написанная еще до эпохи Нара, записана иероглифами одного размера, и служебные слова не выделены в основном тексте никаким образом. В приведенном сэммё, принадлежащем эпохе Хэйан, служебные слова написаны мельче, чем существительные и корни глаголов и прилагательных. В тот же период появилась тенденция к единообразию: для записи служебных слов использовались одни и те же иероглифы, например, для показателя винительного падежа を обычно использовали знак 乎, а для показателя родительного падежа の — знак 乃. Как правило, для записи служебных слов выбирали простые и хорошо знакомые иероглифы, для удобства их форма еще более упрощалась, и зрительно они все более отличались от смысловых иероглифов. Так зародился стиль записи текста *кандзи-кана-мадзири-бун*, который является стандартным для современного японского языка.

Хирагана

В эпоху Хэйан чтение китайских книг и иероглифическое письмо, которое называли 真名 [мана] — «настоящая грамота», считалось исключительным правом мужчин. Этот обычай проистекал из принятого в китайском обществе понятия о более высокой ценности мужского пола по сравнению с женским. Традиционно, в Японии было как раз наоборот: женщины пользовались преимущественными правами над мужчинами, но под влиянием материковой культуры положение дел стало меняться. Дух того времени можно ощутить при чтении дневника Мурасаки Сикибу. Когда она читала китайские книги, другие придворные дамы осуждающе перешептывались за ее спиной:

片つかたに、書ども、わざと置き重ねし人も侍らずなりにし後、手ふるる人もことになし。それらをつれづれせめてあまりぬるとき、一つ二つひきいでて見侍るを、女房あつまりて、「おまへはかくおはすれど、御さいはひはすくなきなり。なでふ女が眞字書は讀む。むかしは經よむをだに人は制しき」と、しりうごちいふを聞き侍るにも、「物忌みける人の、行くすゑいのち長かるめるよしども見えぬためしなり」と、いはまほしく侍れど、思ひくまなきやうなり。ことはたさもあり。

Никто после смерти хозяина не трогает и другой ларь, в который он бережно уложил китайские книги. Когда мне становится совсем уж не по себе, я беру посмотреть одну или две. Служанки же шепчутся за спиной: «И вот всегда она такова. Оттого и счастье у нее такое короткое. ***И зачем женщине по-китайски читать? В старину женщинам читать сутры не позволяли».*** *При этих словах мне так и хочется отвечать, что я никогда не видела человека, который бы стал долгожителем благодаря соблюдению запретов.*

В тот период шло усиление позиций фонетического письма на основе манъёганы, которое уже полностью отделилось от иероглифов и превратилось в слоговую азбуку. Такое «ненастоящее» — фонетическое — письмо назвали кана (仮名 — «временные, незначительные знаки»[36]), и так сложилось, что оно стало популярным среди женщин.

Форму знаков манъёганы изменили, сделав ее скорописной, и из форм скорописи 草体 [со:тай] — «травяные знаки» (или 草書体 [со:сётай] — «травяные знаки для письма») появилась *хирагана*[37]. Отсюда второе название хираганы — 「草仮名」[кусакана] («травяные буквы»). Штрихи этих букв напоминают гибкие стебли травы. Иероглиф в

[36] Е. В. Маевский дает интересный перевод «как-бы-имена» (см. Маевский Е. В. Графическая стилистика японского языка. М., 2000. С. 117).

[37] В начале эпохи Хэйан знаки хираганы еще мало отличались от скорописных иероглифов, поэтому некоторые историки относят появление отличных от иероглифов знаков к более позднему периоду.

обоих терминах используется один и тот же, только по *кун* он читается [куса], а по *он* — [со:]. Вначале хирагану использовали для записи *вака* и других текстов. Из-за того, что хираганой часто пользовались женщины, эту азбуку еще называли 女手 «оннадэ» («от руки женщины») или 女文字 «оннамодзи» («женские буквы»). В начальный период для хираганы было характерно существование нескольких знаков для каждого звука, и причина состояла в поиске наиболее красивой формы.

Хирагана составлена из скорописных форм тех иероглифов, которые применялись в манъёгане. Например, в манъёгане знак「波」передавал звук [ха] в слове 波奈 *хана* — «цветок», или звук [ва] в слове 伊波 *ива* — «скала». С другой стороны, этот иероглиф использовался и для передачи смысла при написании слова *нами* (волна), то есть смысловой характер иероглифа еще не был утрачен. Нынешняя буква「は」хираганы возникла из иероглифа「波」*нами*, но никогда не используется для написания слова «волна».

Женщины постарались сделать форму новых знаков как можно красивее, и даже мужчины впоследствии заинтересовались новой грамотой. В результате появились такие писатели, как Ки-но Цураюки (872?-945), Оно-но Тофу (иначе: Митикадзэ, годы жизни 894–966-й) и Фудзивара-но Кинто (966–141), которые предпочитали использовать хирагану. Упомянутое выше предисловие к «Сборнику старых и новых песен Японии» Ки-но Цураюки написал в двух вариантах: только хираганой, на японском языке 仮名序 *канадзё* и только иероглифами, на китайском языке 真名序 *манадзё*. Ки-но Цураюки сознательно пошел на создание варианта канадзё, справедливо считая, что этим повысит статус хираганы ведь этот сборник был первым стихотворным сборником, составленным по личному указу императора[38]. Более

[38] Двадцатитомник «Кокинвакасю» содержит 1111 стихов, был составлен в 905 г. по указу императора Дайго (885–930 гг., годы правления 897–930-й).

того, он поместил текст канадзё в начало сборника, а манадзё — в самый конец, в качестве эпилога или приложения. Так он подчеркнул бóльшую важность родного языка по сравнению с китайским. Предисловие Ки-но Цураюки стало первым официальным документом, написанным хираганой.

Жизнь при дворе была непростой. Дом Фудзивара плел интриги против дома Ки и других знатных фамилий, постепенно подбирая под себя власть во дворце, и для Ки-но Цураюки это означало постоянные притеснения. Несмотря на свою блестящую репутацию как поэта, он так никогда и не поднялся по служебной лестнице, оставаясь второстепенным чиновником. Когда Ки-но Цураюки было уже 60 лет, он был назначен губернатором провинции Тоса (о. Сикоку). Отслужив свой срок, Ки-но Цураюки вернулся в столицу, но обратное путешествие заняло у него целых 55 дней. Чтобы занять себя в дороге, отставной губернатор каждый день вел дневник.

Здесь надо отметить, что политика того времени была делом формальным и монотонным. Государственным мужам приходилось вести ежедневники, чтобы не забывать о скучных обязанностях, а в тех кругах принято было писать по-китайски. На посту губернатора Ки-но Цураюки постоянно приходилось вести официальный дневник на китайском языке. «Дневники обычно пишут только мужчины, а если бы писала женщина, как бы получилось?» — задумался Ки-но Цураюки и из любопытства решил записывать события дня хираганой и как будто от лица женщины.

男もすなる日記といふものを、女もしてみむとてするなり。

Вот и я, женщина, решила попытаться написать то, что называется дневником — их, говорят, мужчины тоже ведут. **(Пер. В. Н. Горегляд.)**

Вместо бюрократических формальностей Ки-но Цураюки описывал эмоции и впечатления, высказывал мнения и иро-

низировал, смеялся и плакал, то есть позволял себе то, что никогда не осмеливался высказать, будучи придворным чиновником. В дневник он включил пятьдесят девять песен *вака*, из них семь посвящены тоске по любимой дочери — накануне отъезда из Тоса его четырехлетняя дочь внезапно скончалась.

Дневник 「土佐日記」«Тоса никки» («Путевые заметки из Тоса») делится на три части. В первой, с 21 декабря до Нового года, описывается горе женщины, потерявшей дочь. Вторая часть, со 2 января по 5 февраля, посвящена любовным интригам, опасностям мореплавания, нападениям пиратов и разговорам пассажиров судна. В третьей части, с 6-го по 16 февраля, показано долгожданное прибытие в столицу, встреча со старыми друзьями и соседями. Дневник заканчивается песней *вака* об умершей дочери.

Рис. 6. Ки-но Цураюки

Ки-но Цураюки давно чувствовал, что китайские иероглифы не подходят для того, чтобы выражать состояние японской души, и связывал с хираганой большие надежды. Его дневник задумывался как произведение, которое могло бы сделать хирагану не просто «женской грамотой», а письменностью для всех, и замысел Ки-но Цураюки оправдался. Благодаря хирагане «Тоса никки» смогли прочитать самые широкие массы читателей, а не кучка аристократов, и популярность его была не сравнима ни с чем[39]. Еще никогда в истории Японии не было книги, над которой не только мужчины, но и женщины просиживали целый день, забыв обо всем на свете. Тогда в Японии еще не было печатных станков, и люди от руки переписывали для себя любимую книгу, одновременно тренируясь в каллиграфии — ведь для себя каждый старался переписать покрасивее. Благодаря «Путевым заметкам из Тоса» статус хираганы значительно вырос.

[39] До этого единственным произведением, доступным широкому читателю, в том числе женщинам, был роман «Исэ-моногатари» Это была подборка стихов, складывающихся в единый сюжет. На протяжении 70 лет книгу дорабатывали разные редакторы не менее трех раз. Самая ранняя часть считается даже старше «Сборника старых и новых песен Японии» и приписывается Аривара-но Нарихире (825–880). Новые части датируются второй половиной X в., и имена авторов стихов и добавлявших их редакторов неизвестны.

После опубликования записок таинственной дамы дневниковый жанр обрел популярность, и многие женщины стали описывать свою жизнь, перемены своего настроения, события в форме ежедневных записей — и использовали для этого хирагану. Наиболее известными в этом жанре считаются дневники «Кагэро» и «Сарасина».

В свитах императриц служило много высокообразованных женщин, и среди них появилось немало писательниц. Придворные дамы с большим успехом пользовались хираганой, имеющей мягкие формы и удачно подходящей для описания картин красивой жизни во дворце. По жанру *вака* прославилась Ваидзуми Сикибу (X в.). Если говорить о романе, то это Мурасаки Сикибу (конец X — начало XI в.), оставившая нам «Повесть о Гэндзи», лучший роман в истории японской литературы[40]. Подлинным шедевром в области короткого рассказа признаны «Записки у изголовья» Сэй Сёнагон (конец X — начало XI в.).

К X–XI вв. хирагана широко распространилась, хотя форма знаков еще отличалась от современной. Мурасаки

[40] По мнению специалистов, «Гэндзи-моногатари» — первый прозаический роман в истории мировой литерауры. Комплексное исследование текста романа и его связи с культурой эпохи Хэйан см.: Мурасаки Сикибу. Повесть о Гэндзи (Гэндзи-моногатари) / Приложение. Вступ. ст., сост., пер. с яп. стих. текстов Т. Л. Соколовой-Делюсиной. М., 1992.

Сикибу в своей «Повести о Гэндзи» (том «Ветка сливы») приводит слова принца Гэндзи, высказавшего свое мнение о прогрессе в японской письменности:

よろづの事、むかしには劣りざまに、淺くなりゆく、世の末なれど、假名のみなん、今の世は、いと、際なく、かしこくなりにたる。ふるき跡は、さだまれるやうにはあれど、ひろき心、ゆたかならず、一筋にかよひてなんありける。妙にをかしき事は、外よりてこそ、書き出づる人々ありけれど、女手を、心にいれて習ひしさかりに、こともなき手本、おほくつどへたりしなかに、中宮の御はゝ宮す所の、心にも入れず、走り書き給へりし、ひとくだりばかり、わざとならぬを得て、きは殊におぼえしはや。

Век подходит к концу, и все мельчает, с древними нам не сравниться, — говорит он госпоже Мурасаки. — Пожалуй, только слоговое письмо* кана *достигло удивительного совершенства именно в наши дни. *Древние стили были довольно однообразны, ибо требовали строгого следования правилам и тем самым ограничивали свободу самовыражения. В нынешние времена многое отличается удивительным изяществом почерка. В молодости я проявлял интерес к «женскому стилю» и собрал множество прекрасных образцов. Один из самых ценных принадлежат кисти покойной Миясудокоро, матери нынешней государыни-супруги. Сама она, по всей видимости, не придавала написанному особого значения, писала быстро и небрежно, но даже случайные строки, ее рукой начертанные, поражают удивительным совершенством.*

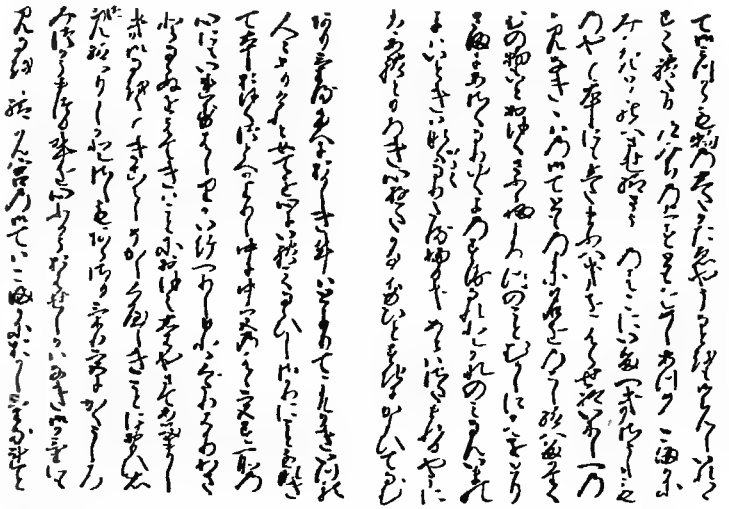


Рис. 7. «Повесть о Гэндзи», том «Ветка сливы». Фрагмент
(Иллюстрация любезно предоставлена Библиотекой университета Тайсё)

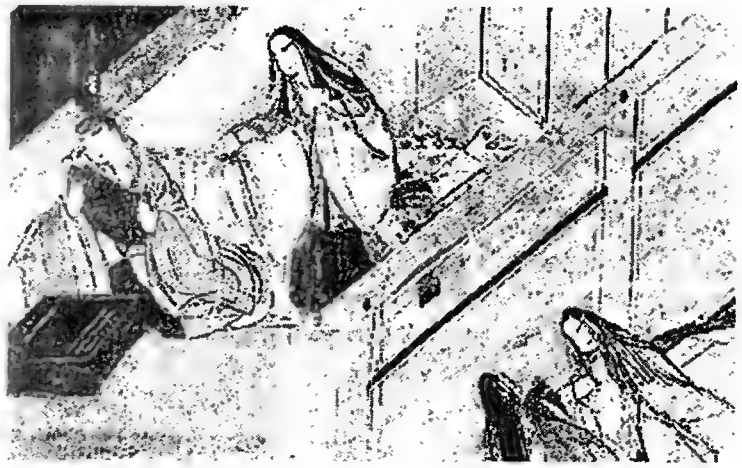


Рис. 8. Гэндзи моногатари эмаки. Фрагмент

В уста принца Мурасаки Сикибу вложила собственное суждение: «В эпоху Хэйан *кана* стала лучше, это удачный способ записи нашего родного языка». Действительно, укрепление позиций *хираганы* имело огромное значение: она дала японцам возможность освободиться от китайской зависимости и впервые за много веков ощутить себя независимой нацией, имеющей свою собственную письменность.

Катакана

Знаки *катаканы* изначально были не буквами, а вспомогательными элементами. Это были метки, созданные на основе частей иероглифов, которые ставили рядом с китайским текстом для облегчения чтения, а позже начали использовать как самостоятельные единицы.

Важную роль в распространении *катаканы* играли школы. Сыновья аристократов должны были не только читать китайские тексты и стихи, но также правильно писать и самостоятельно сочинять на китайском языке, и всему этому мальчики обучались в школах при буддистских храмах. Форма занятий сводилась, в основном, к слушанию лекций. Ученики поступали при этом, как некоторые нерадивые студенты-японисты наших дней, которые подписывают чтение иероглифов русскими буквами между строк, поэтому сохранилось немало документов, где между строк китайского текста внесены пометки японских учеников. При изучении китайской грамоты возникали такие проблемы: во-первых, как читать текст, где порядок слов очень отличается от привычного, японского. Во-вторых, при отсутствии в китайском языке падежных показателей ученикам было нелегко разбираться в структуре предложений. В-третьих, встречались трудные или незнакомые иероглифы, и ученики не знали, как их читать. Сохранились «конспекты», из которых видно, как ученики справлялись с этими сложностями, и эти пометки, сделанные детской рукой, представляют огромную ценность для современных исследователей.

Итак, порядок слов в китайском языке отличался от японского. Чтобы облегчить себе задачу, ученики отмечали, какой иероглиф надо читать первым, какой вторым и так далее. Для этого они придумали знаки, которые по-японски называются 訓点 [кунтэн], «знаки для чтения». Это была целая система, которая сохранилась по сей день и используется в старших классах современных японских школ на занятиях по родному языку, где иногда приходится читать китайский текст. Какие бывают знаки *кунтэн*? В первую очередь, цифры: 一 «1», 二 «2», 三 «3». Кроме того, 上 «вверху», 下 «внизу». Использовались также знаки: 天 «небо», 地 «земля», 人 «люди», а также знак レ «назад».

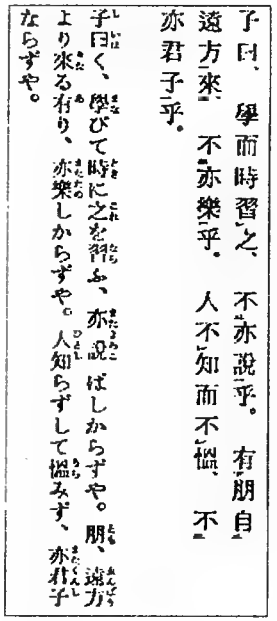

子曰、學而時習之、不亦說乎。有朋自遠方來、不亦樂乎。人不知而不慍、不亦君子乎。
子曰く、學びて時に之を習ふ、亦說ばしからずや。朋、遠方より來る有り、亦樂しからずや。人知らずして慍みず、亦君子ならずや。

Рис. 9. «Лунь юй»

Вот пример использования знаков *кунтэн* в тексте изречений Конфуция «Лунь юй».

Учитель сказал: «Изучая обычаи предков, в свое время вводить их в привычку — не радость ли это? [Ведь] когда [старый] друг возвращается с дальней стороны — не счастье ли это? [Если] другим не придется усовещивать [тебя], а [тебе] не придется тревожить сердце [угрызениями], не сделаешься ли благородным мужем?»[41]

На иллюстрации сопоставлены два текста: правый текст — это китай-

[41] Головачева Л. И. Беседы и суждения Конфуция // Рубеж. Тихоокеанский альманах. Владивосток, 1992. № 1. С. 11.

ский текст с *кунтэн*[42], левый текст — это тот же фрагмент, но с более поздними метками: рядом подписано чтение по-японски, добавлены падежные показатели и восстановлен японский порядок слов, то есть фактически дан перевод на японский язык. Сравните: в правом тексте между иероглифами 習 и 之 стоит знак レ —переставить местами. В левом тексте эти иероглифы уже переставлены местами, добавлен падежный показатель を и окончание глагола ふ.

Для того чтобы легче ориентироваться в тексте в отсутствие падежных указателей, придумали ставить в тексте точки *о-ко-то*. При помощи системы 乎呼止点 [окототэн] ученики пытались четко указывать при помощи этих точек, какой именно падежный показатель подразумевается. Ставились точки так: вокруг иероглифа мысленно рисовали квадрат и по его сторонам располагали падежные указатели. У каждого из них было свое фиксированное место, а потому точка в определенном месте относительно иероглифа обозначала конкретную частицу.

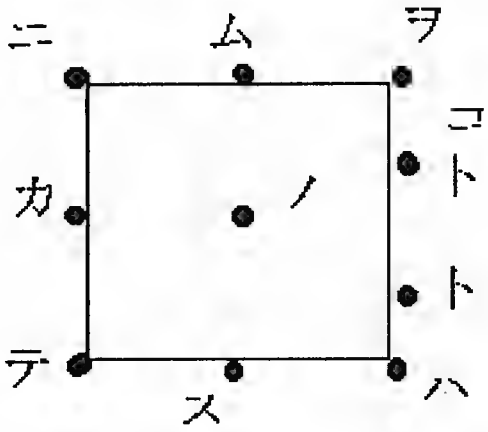


Рис. 10. Схема окототэн

[42] В данном фрагменте использована система *кунтэн* Хаяси Досюн (1583–1657), личного учителя IV сёгуна Токугавы Иэцуны (1641–1680).

Существовало несколько видов *окототэн*, которые различались тем, что служебные слова располагались вокруг квадрата по-разному[43]. Один из видов, который называется 博士家点 [хакасэкэ-тэн] («система точек Дома Учителей»), показан на рисунке. На рисунке видно, что если читать точки с нижнего левого угла по часовой стрелке, получается «тэ-ни-о-ха», отсюда второе название системы *окототэн — тэниоха*. Точки *окототэн* всегда ставились красным цветом.

Хакасэкэ — это были семьи потомственных ученых при дворце императора. Представители этих семей занимали посты экспертов в 式部省大学寮 «Сикибусё: Дайгакурё:» — в Палате науки и образования Церемониального ведомства — и ведали обучением чиновников. 明経博士 [Мё:гё: хакасэ] (учителя китайской литературы) были из семьи Киёхара и преподавали чтение, они и придумали систему окототэн, чтобы облегчить жизнь своим ученикам. Киёхара — был старинный род, ведущий свою историю от императора Тэмму[44]. Император Камму[45] даровал фамилию Киёхара[46] одному из дальних родственников, чтобы тот стал основателем нового дома. В те времена только аристократы могли иметь фамилию, передаваемую от родителей к детям, и получить фамилию было большой честью. Киёхара-но Нацуно (782–837), праправнук императора Тэмму, стал первым в роду Киёхара, и среди представителей этой семьи известно немало талантливых людей. Сын императора

[43] Подробнее о разнообразии схем см. Сыромятников Н. А. Классический японский язык. М., 2002. С. 39–40.

[44] Тэмму (?–686, годы правления 673–686-й) — император эпохи Асука.

[45] Камму (737–806 гг., годы правления 781–806-й) — император эпохи Хэйан. Именно он перенес столицу из г. Нагаока в Хэйанкё — нынешний Киото.

[46] В эпоху Хэйан допускалось два способа чтения фамилий: читать полностью по *кун* или взять один из иероглифов и читать его по *он*. Так, носители фамилии 清原 называли себя [киёхара] или (по первому иероглифу) 清 [сэй]. В те времена следовать китайским обычаям было особенно модным.

Тэмму, принц Тонэри (676–735), который составил «Нихон сёки» («Анналы Японии»); Киёхара-но Мотосукэ (908–990), один из Тридцати шести прославленных поэтов; и его дочь Сэй Сёнагон, автор знаменитых «Записок у изголовья» — все они были из этого рода.

Из других видов *окототэн* известна *тэниха*, система буддистского храма Тодай дзи в городе Нара, а также еще более десяти менее распространенных (*тэониха*, *онихатэ* и др.). Каждая школа придумывала свою систему, но поскольку при дворце использовали *хакасэкэ-тэн*, эта система стала считаться стандартной.

Как было сказано выше, серьезной трудностью для начинающих было чтение: в китайских текстах содержалось немало иероглифов, которые они еще не успели выучить. Когда ученики встречали в тексте трудный иероглиф, они рядом подписывали его чтение, но поскольку *кана* еще не существовала, они пользовались манъёганой и при этом немного упрощали форму иероглифов. Постепенно эти знаки и превратились в азбуку *катакана*.

В отличие от *хираганы*, это были «буквы для мужчин». Официальные государственные документы писались мужской рукой, и эта традиция сохранялась до специального указа Кабинета министров Японии 1946 года. Для описания этого вида письма используется термин *кандзи-катакана-мадзири-бун*, то есть письмо, использующее иероглифы и катакану в одном тексте. Старые законы все записаны таким способом. Считается, что катакана появилась в начале эпохи Хэйан, но первоначально, как и в хирагане, существовало много разновидностей фонетических значков для одного слога.

В эпохи Камакура (1192–1333) и Муромати (1338–1573) количество букв сократилось, а к началу эпохи Эдо азбука почти стабилизировалась. Нынешняя катакана имеет почти всегда четкое соответствие «один слог — одна буква». Ниже приводятся таблицы иероглифов, превратившихся в знаки хираганы и катаканы.

Примером использования катаканы для облегчения чтения может служить приведенный ниже фрагмент «Нихон сёки». На иллюстрации видно, что справа от основного текста, написанного иероглифами, стоят знаки катаканы. Они не только играют роль транскрипции, указывая чтение китайских иероглифов, — знаками катаканы в тексте подставлены падежные показатели. Кроме того, в сложных случаях катаканой помечен и перевод на японский язык, тогда знаки стоят не справа, а слева от иероглифа. Помимо катаканы, в приведенном фрагменте использованы и знаки кунтэн, их надо искать в левом нижнем углу иероглифов. В основном, это цифры, обозначающие порядок слов.

Хирагана[47]

右はその仮名の字源									
あ	安	い	以	う	宇	え	衣	お	於
か	加	き	幾	く	久	け	計	こ	己
さ	左	し	之	す	寸	せ	世	そ	曽
た	太	ち	知	つ	川	て	天	と	止
な	奈	に	仁	ぬ	奴	ね	禰	の	乃
は	波	ひ	比	ふ	不	へ	部	ほ	保
ま	末	み	美	む	武	め	女	も	毛
や	也			ゆ	由	え	衣	よ	与
ら	良	り	利	る	留	れ	禮	ろ	呂
わ	和	ゐ	為			ゑ	恵	を	遠
ん	无								

[47] 1, 3, 5, 7, 9-й столбцы (слева направо) — знаки хираганы; 2, 4, 6, 8 и 10-й столбцы — иероглифы-прообразы.

Катакана[48]

右はその仮名の字源									
ア	阿	イ	伊	ウ	宇	エ	江	オ	於
カ	加	キ	幾	ク	久	ケ	介	コ	己
サ	散	シ	之	ス	須	セ	世	ソ	曽
タ	多	チ	千	ツ	州	テ	天	ト	止
ナ	奈	ニ	二	ヌ	奴	ネ	祢	ノ	乃
ハ	八	ヒ	比	フ	不	ヘ	部	ホ	保
マ	末	ミ	三	ム	牟	メ	女	モ	毛
ヤ	也			ユ	由	エ	慧	ヨ	與
ラ	良	リ	利	ル	流	レ	礼	ロ	呂
ワ	和	ヰ	井			ヱ	恵	ヲ	乎
ン	无								

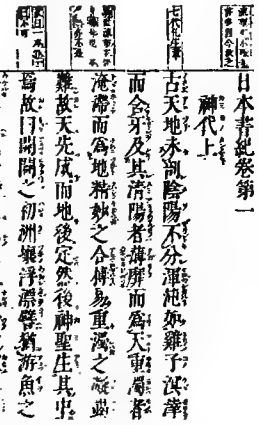


Рис. 11. «Нихон сёки». Фрагмент

Итак, не имея ничего, кроме китайских иероглифов, японцы приспособили их в качестве фонетических знаков, то есть иероглифы стали использоваться неоднозначно: иногда для передачи смысла, иногда для передачи звука, и эти функции причудливо переплетались, порождая немало сложностей и разночтений. Со временем японцы начали упорядочивать свое фонетическое письмо. Постепенно служебные знаки утратили какой-либо смысл, свойственный иероглифам, и стали просто слоговой азбукой.

[48] 1, 3, 5, 7, 9-й столбцы (слева направо) — знаки катаканы; 2, 4, 6, 8 и 10-й столбцы — иероглифы-прообразы.

Глава четвертая

ЭТАПЫ В ИСПОЛЬЗОВАНИИ КАНЫ

С развитием хираганы японцы стали свободно записывать свой родной язык, и пользовались этим изобретением уже все, независимо от пола. Впрочем, вскоре появилась проблема связи между устной речью и ее письменным отображением: все несовпадения сразу стали очевидны. Встал вопрос о правилах правописания с помощью каны.

«Историческое правописание каны»

Одну из первых попыток устранения беспорядка в использовании каны предпринял известный поэт и ученый Фудзивара-но Тэйка (иначе Садаиэ, годы жизни 1162–1241), составитель сборника «Сто стихотворений ста поэтов». Спустя 500 лет буддистский монах Кэйтю выявил неточности в рекомендациях Фудзивара-но Тэйка и написал свое «Введение к "Исправлению хаоса в нашей азбуке"», где предложил свои правила по использованию каны. На основании этой книги правительство Мэйдзи приняло «историческое правописание каны» и составило школьные программы, которые использовались 80 лет, до 1946 г.

Историческое правописание каны — 歴史的仮名遣い, [рэкиситэки канадзукай] — создано на основе правописания эпохи Нара и Хэйан. Произношение эпохи Мэйдзи (1868–1911), конечно, отличалось от произношения тех времен, но, несмотря на эти изменения в произношении, тогдашнее правительство сохранило правописание с соответствии с традицией, например:

Слово	Запись хираганой в соответствии с историческим правописанием	Произношение
камень	いし	[иси]
колодец	ゐど	[идо]
ракушка	かひ	[кай]

Таким образом, слова, где по современным правилам стоит чистый звук [и], в древности произносились по-разному (и, ви, хи), а потому их записывали при помощи разных знаков каны. Позже различия в произношении утратились, но писались такие слова, как раньше.

«Современное правописание каны» 1946 г.

После войны Япония находилась под властью Главнокомандующего союзных войск (Supreme Commander for the Allied Powers) в лице Дугласа Макартура. США инициировали ряд политических и общественных реформ, направленных на демократизацию японского общества. Одним из предложений было упрощение японской письменности, что включало бы в себя отказ от иероглифов, хираганы и катаканы и переход на латинский алфавит. Американцы опасались, что сложная письменность может помешать демократизации, поскольку не могли поверить, что среднестатистический гражданин в состоянии усвоить элементарные азы японской грамоты.

Тем не менее, следует отдать должное руководителям американской Делегации по вопросам образования: они не стали вводить латиницу в приказном порядке, а вначале провели тестирование достаточно большой группы людей (из населения всей Японии в каждом населенном пункте методом случайной выборки взяли одного из каждых 10 000 человек). Американские эксперты рассчитывали на низкие результаты, опираясь на которые, они могли бы аргументировать переход на новую систему письменности интересами простых японцев.

В составлении заданий и проведении этого грандиозного тестирования участвовали известные японские филологи, среди них Киндаити Харухико (1913–2004). Он был членом экзаменационной комиссии в небольшом городке Одавари, что в префектуре Канагава, и вспоминает, как в день экзамена недосчитался одной бабушки. Киндаити решил, что нехорошо будет, если даже один человек отсутствует, и поехал за ней. Выяснилось, что старушка никогда не ходила в школу, и когда пришло приглашение на американский экзамен, у нее от волнения даже поднялась температура. «Если такой человек, как я, пойдет сдавать экзамен, будет позор императору. Уж вы простите меня, не заставляйте», — отказывалась она. Правдами и неправдами Киндаити уговорил бабушку поехать с ним, а когда подводили итоги экзамена, вспомнил о ней: «Наверняка, бедная, набрала ноль баллов», — и отыскал ее работу. «Бабушку звали Хана, и она только эти две буквы и умела писать. В одном из заданий был устный вопрос: какое из нижеприведенных слов — хару? Только это задание она и выполнила правильно, поставила кружок в нужном месте — и набрала 5 баллов». Киндаити искренне радовался успеху соотечественников: результаты по стране оказались очень высокими. Таких, что набрали 100 баллов, было не так много, но совсем неграмотных людей практически не оказалось. Действительно, даже бабушка из Одавари смогла заработать пять баллов! «Американская делегация, увидев результаты экзамена по всей стране, уже не вспоминала о латинице, а только восхищалась образованностью японцев. Вскоре они вернулись в США»[49].

Хотя Япония не пошла по пути радикальной реформы письменности, определенные шаги в сторону упрощения правописания были сделаны. Тогдашнее правительство по-

[49] Киндаити Х. Нихонго (Японский язык). Токио, 1989. Т. 2. С. 1–4.

считало нужным отменить ряд правил, потерявших актуальность, и приблизить письменность к современной фонетике. В 1946 г. кабинет министров утвердил так называемое «современное правописание каны» — 現代かなづかい [гэндай канадзукай]. Принцип новых рекомендаций был: «как слышим, так и пишем», то есть:

Слово	Запись хираганой в соответствии с современным правописанием	Произношение
камень	いし	[иси]
колодец	いど	[идо]
ракушка	かい	[кай]

Еще одна особенность этой реформы — обозначение долготы на письме для слогов на [о] при помощи гласного «у».

Слово	Запись хираганой в соответствии с историческим правописанием	Произношение	Запись хираганой в соответствии с современным правописанием
Почтение	そんちよう	[сонтё:]	そんちょう
Записная книжка	てちやう	[тэтё:]	てちょう
Ритм	てうし	[тё:си]	ちょうし
Бабочка	てふ	[тё:]	ちょう

Таким образом, с 1946 г. японская письменность стала отражать реальное произношение японского языка. Текст, написанный в соответствии с правилами *гэндай канадзукай*, был значительно более понятен простому человеку, чем тексты, соответствующие *рэкиситэки канадзукай*. Язык страны теперь визуально отражал новую реальность: Япония встала

на путь демократических преобразований, и это проявляется во всем, в том числе в письменности.

«Современное правописание каны» 1986 г.

Нынешняя система правописания каны утверждена приказом Кабинета министров от 1 июля 1986 года. Название системы 1986 г. звучит так же, как название системы 1946 г. [гэндай канадзукай], различаются они только на письме: более ранний термин пишется с использованием хираганы 現代かなづかい, а более поздний — только иероглифами 現代仮名遣い. Новая система сохранила основные черты системы правописания от 1946 года, когда литературный язык стал близок к разговорной речи («как слышим, так и пишем»). Особое внимание в системе 1986 г. уделяется написанию стяженных звуков (кя, кю, кё и т. п.) и долгих согласных (в словах типа *киттэ, гакко* и т. п.). Уточнены правила обозначения долготы слогов и написание падежных показателей, а также написание слогов *дзи* и *дзу*.

По поводу стяженных звуков и долгих согласных звуков сказано так: «По возможности их следует писать шрифтом меньшего размера, чем основной текст». Почему «по возможности»? На это есть две причины. Во-первых, когда в печатном тексте используется *фуригана*, то есть над иероглифом подписано его чтение знаками хираганы маленького размера, было бы неудобно использовать еще более миниатюрные знаки. Во-вторых, в юридических текстах типа кодексов законов не принято использовать маленькие знаки, и новая система позволяет сохранить эту традицию. Тем не менее, в школе детей учат использовать уменьшенные знаки во всех случаях без исключения, потому что есть некоторые слова, чье значение меняется в зависимости от того, знаки какого размера использовались. Например, びよういん (美容院) [биё:ин] — «салон красоты», びょういん (病院) [бё:ин] — «больница».

Обозначение долготы слогов на [э] и на [о] при написании их хираганой представляет некоторую сложность в связи с существующей двойственностью. Так, к слогам на [э] добавляется еще один гласный «э», например: «старшая сестра» おねえさん, *да* ええ. Однако в приложении к своду правил правописания есть такое примечание: «В словах, подобных нижеприведенному примеру, независимо от произношения — [э:] или [эй] — следует писать гласную "и"». В качестве примеров приводятся такие слова: せんせい (先生) [сэнсэй]; [сэнсэ:] — «учитель» или えいご (英語) [эйго]; [э:го] — «английский язык». На самом деле, таких слов-исключений значительно больше, чем тех, которые пишутся по основному правилу.

Долгота слогов на [о] обозначается при помощи гласной «у», например おとうさん (お父さん) [ото:сан] — «отец», とうだい (灯台) [то:дай] — «маяк». Однако в тех словах, которые по правилам исторического правописания писали как «охо» или «ово», следует писать два «о», поскольку когда-то в этих словах было два разных звука.

Слово	Произношение	Запись хираганой в соответствии с историческим правописанием	Запись хираганой в соответствии с современным правописанием
лед	[ко:ри]	こほり	こおり
десять	[то:]	とを	とお
большой	[о:кий]	おほきい	おおきい

При написании падежных показателей решено было сохранить традицию и писать в соответствии с историческим правописанием. Например, [коннитива] — «здравствуйте»; [нихонго-о бэнкё:суру] — «изучать японский язык»; [дайгаку-э каёу] — «ходить в университет». Более того, по правилам 1946 г. допускалось писать падежные указатели на выбор как わ или は, え или へ, а в 1986 г.

わ и え стали считать за ошибку, то есть было введено единообразие.

По поводу слогов *дзу* и *дзи*: каждый из них имеет два способа записи, потому что до конца эпохи Муромати звуки じ/ぢ и ず/づ произносили по-разному. Например, в середине слова эти знаки читались примерно так: じ [зи], ず [зу], ぢ [дзи], づ [дзу]. К середине эпохи Эдо разница была полностью стерта. С того времени в начале слов в слогах じ и ぢ согласный звук произносят примерно как английский j в слове Jim, а в середине слов он ближе к французскому g в слове energie. Слоги ず и づ в начале слов достаточно хорошо соответствуют русской транскрипции [дзу], а в середине слова произносятся скорее как [зу]. На слух различить пары じ/ぢ и ず/づ стало невозможно.

Возникла проблема использования этих двух пар каны. Хотя фонетические различия были утрачены, образованные люди хотели писать «правильно», то есть в соответствии с исторической нормой, и об этом свидетельствует книга 1695 г. «Дзи дзи дзу дзу каннамодзи[50] дзукай кэнсюкурё:ко сю:», «Список слов, в которых есть знаки каны じ ぢ ず づ»[51]. Любопытный факт: в префектуре Коти (о. Сикоку) фонетические различия между указанными выше слогами

[50] Транскрипция [каннамодзи] объясняется тем, что в XVII в. иероглифы 假名 читались именно так. Это связано с изменением произношения слогов на [и] в слоги на [н] в словосочетаниях или глаголах с целью облегчения произношения (撥音便 [хацу-онбин]). Таких изменений существует четыре вида. Иероглифы 假名 вначале читали [кари-на], позже стали произносить [кан-на], а потом один звук [н] был утрачен, и осталось [ка-на]. Аналогично глаголы типа *тобу* имели тэ-форму *тобитэ*, но впоследствии она превратилась в *тондэ*, и последний вариант стал стандартным.

[51] Японское название книги — 「しちすつ假名文字使蜆縮涼鼓集」 Для обобщенного обозначения слов, имеющих в составе указанные знаки хираганы, использованы *онные* чтения наиболее представительных слов из этой категории: кэн — сидзими (пресноводный моллюск корбикура японская), сюку — тидзими (сжатие), рё — судзуми (наслаждение прохладой), ко — цудзуми (маленький ручной барабан).

по-прежнему сохраняются. Возьмем два современных омонима со слогом [дзи]: 「富士」「藤」 [фудзи], первый — название известной горы, второй — цветок глицинии. В Коти «гора» звучит как [фузи], а «цветок» как [фудзи]. Вот аналогичный пример со слогом [дзу]: 「葛」「屑」 [кудзу], первый — «травянистая лиана пуэрария», второй — «мусор». В Коти «лиану» произносят как [кузу], а «мусор» как [кудзу].

В соответствии с современным правописанием следует использовать только знаки じ и ず. Есть только два исключения из этого правила. Первое связано с парными слогами. В случае, когда подряд идет два одинаковых звука, в японском языке один из них озвончается: ただしい [тадасий] — «правильный», とどまる [тодомару] — «оставаться», はば [хаба] — «ширина». По правилам исторического правописания такие слова записывали с ゞ — со знаком повторения. По правилам современного правописания слов типа ちぢむ [тидзиму] — «сжиматься», つづき [цудзуки] — «продолжение» следует писать, используя тот же знак хираганы, что и в неозвонченном слоге. Интересно, что из этого исключения есть два исключения. Это слова, которые в соответствии с историческим правописанием писали так: いちじく [итидзику] — «фиговая пальма», いちじるしい [итидзирусий] — «примечательный», их правописание решили оставить без изменений.

Второе исключение из правила написания слогов *дзи* и *дзу* связано с составными словами. Например, 間近 [мадзика] — «скоро» — составлено из слов «промежуток» и «близкий». Поскольку «близкий» — ちかい, то и в составном слове пишется ぢ: まぢか. Аналогично, 新妻 [ни:дзума] — «молодая жена» составлено из слов «новый» и «жена». Поскольку «жена» — つま, то и в составном слове пишется づ: にいづま. Однако если составное слово настолько вошло в повседневную речь и воспринимается как одна самостоятельная лексическая единица, его можно писать в соответствии с основным правилом, например: せか

いじゅう (世界中) [сэкайдзю:] — «во всем мире», いなずま (稲妻) [инадзума] — «молния».

Несколько запутанным может показаться правило написания слов 地面 [дзимэн] — «поверхность земли», 布地 [нунодзи] — «ткань», 図画 [дзуга] — «схема», 略図 [рякудзу] — «упрощенная схема». Дело в том, что у иероглифов 地 [ти] и 図 [дзу] изначально было по два онных чтения. У иероглифа «земля» чтение по *го-он* [дзи], а по *кан-он* [ти], то есть [дзи] не является озвонченным вариантом чтения [ти]. Более очевидно это у иероглифа «схема»: чтение по *го-он* [дзу], а по *кан-он* [то], то есть [дзу] — одно из изначальных *онных* чтений, а не озвонченный вариант какого-то чтения.

Глава пятая

НЫНЕШНЯЯ СИСТЕМА ПРАВОПИСАНИЯ ЯПОНСКОГО ЯЗЫКА

В японской начальной школе дети должны за шесть лет выучить 1006 знаков (иероглифы начального образования). На родине иероглифов, в Китае, дети за тот же срок усваивают в три с половиной раза больше (около 3 600 иероглифов). Причина этой разницы в том, что в японском языке помимо иероглифов используется кана, и нет необходимости заучивать так много иероглифов на таком раннем этапе.

Современное японское письмо использует иероглифы, хирагану и катакану в одном тексте. Для определения этого феномена существует термин 漢字かな交じり文 «кандзи-кана-мадзири-бун» («смешанное письмо, состоящее из иероглифов и алфавита»). На первый взгляд, смешанный способ записи производит впечатление бессистемного и запутанного, однако на самом деле он очень точно отражает особенности и структуру японского языка. Выбор способа записи обусловлен свойствами частей слова и членов предложения, а также ролью служебных слов.

Кандзи и кана

Основные члены предложения (относительно самостоятельные единицы, управляющие вспомогательными элементами) можно писать иероглифами. Сюда относятся существительные, корни глаголов и прилагательных.

Падежные показатели, окончания глаголов и прилагательных и другие вспомогательные элементы (форманты

слов и служебные слова), как правило, пишут хираганой. Эти вспомогательные элементы выражают взаимоотношения между словами, а также эмоции автора. Они играют существенную роль в предложении, присоединяясь позади основных слов (поэтому их обычно называют «послелогами»). Такой способ записи оказался наиболее подходящим для японской речи, потому что иероглифы и их записанные каной спутники представляют собой одно целое. Когда в тексте происходит переход от иероглифа к фонетическому знаку, автоматически осуществляется и разделение смысла и звука. Благодаря этому нет необходимости оставлять пробелы между словами, так как лексические единицы легко различимы.

Киндаити Харухико в своей книге «Японский язык» так писал об особенностях правописания: «В японском языке используют в одном тексте разные виды букв, и это явление уникально. Например, одно и то же слово можно писать по-разному: иногда катаканой, иногда хираганой, иногда иероглифами. Например, возьмем фразу 「ハルがキタ」「春が来た」「はるがきた」「ハルが来た」[харуга кита], «весна пришла». Среди этих четырех вариантов самым стандартным является *кандзи-хирагана-мадзири-бун*: 「春が来た」. Тем не менее, про все остальные нельзя сказать, что они неправильные. Такого явления в других языках, наверное, не увидеть»[52]. В самом деле, учебник для первого класса весь написан хираганой, и 「はるがきた」 там смотрится совершенно нормально. Также телеграммы до недавнего времени писали только катаканой. Катакану используют для записи японских слов, если хотят вложить в предложение иронию, эмоции, авторский подтекст.

В своей книге Киндаити приводит слова Мацуда Маяко, которая преподавала японский язык в Америке: «Когда японцы не могут вспомнить нужный иероглиф, пишут его каной, и это не считается за ошибку. Это удивляет ино-

[52] Киндаити Х. Нихонго. С. 7.

странцев, которые убеждены: если слово обычно пишется иероглифами, его обязательно надо писать только иероглифами»[53]. Действительно, японцы с легкостью переключаются с одного способа записи на другой и даже получают от этого удовольствие. Это явление известно с древности. Когда писали стихи вака, было правило: если одно и то же слово (допустим, «птица») встречалось два раза, его надо было записывать по-разному, например, первый раз иероглифами (鳥), второй раз хираганой (とり).

Европейские заимствования

Порядок написания заимствованных слов катаканой утвержден приказом кабинета министров от 28 июня 1991 года. Заимствованные слова, зарубежные географические названия, имена иностранцев, специальные научно-технические термины в современном японском языке записывают не хираганой, а катаканой. Может возникнуть вопрос: зачем в японском языке существует две параллельные слоговые азбуки?

Дело в том, что тенденция современного японского языка записывать европейские заимствования 外来語 [гайрайго] катаканой появилась достаточно недавно. В памятниках в период с эпохи Муромати до начала эпохи Эдо, то есть когда европейские слова впервые начали появляться в японской лексике, заимствования записаны иногда иероглифами, иногда хираганой, иногда катаканой — не было стабильности в этом вопросе. Запись европейских слов иероглифами имела место вплоть до эпохи Мэйдзи, а некоторые случаи иероглифической записи таких слов встречались даже после Второй мировой войны. Примеры включают в себя прежде всего названия стран мира: Россия, Америка, Франция. Кроме того, это некоторые существительные: клуб, каталог, спички.

[53] Киндаити Х. Нихонго. С. 7.

Хотя иероглифические варианты записи сегодня менее употребительны, они играют важную роль в языке. Так, если слово «клуб» пишут иероглифами, создается атмосфера старины и ощущение особого очарования. Интересны политические нюансы, связанные с записью названий стран. Чтобы не путать между собой два периода истории России — Российская империя и Российская Федерация, между которыми лежит целая эпоха Советского Союза, — принято писать Россию до 1917 г. иероглифами, а после 1991 г. — катаканой. Если сочетание «японо-российский», [нитиро], записано иероглифами, 日露, то на память приходит учебник истории, но если элемент *ро* записан катаканой, 日ロ, речь может идти, например, о встрече президента Российской Федерации с премьер-министром Японии. Справедливости ради следует отметить, что есть газетные компании, которые принципиально используют только иероглифический вариант написания названий стран, и в их публикациях не следует усматривать оттенок старины. Так, газета «Йомиури» с января 1999 г. вернулась к иероглифическому обозначению России, объяснив это тем, что знак катаканы ロ легко перепутать с иероглифом «рот». Иностранным студентам нужно понимать, что приказ кабинета министров о порядке написания заимствованных слов носит характер рекомендаций, а не предписаний, то есть оставляет окончательное решение за тем, кто пишет.

Способ наиболее близкий к современному впервые был применен Араи Хакусэки (1657–1725), конфуцианским философом и политиком. В текстах, написанных по принципу *кандзи-хирагана-мадзири-бун*, он начал записывать заимствованные слова катаканой. Случилось это так. Итальянский миссионер Джованни Баттиста Сидотти (1668–1715) хотел проповедовать в Японии вопреки запрету сёгуната Токугавы и тайно проник в страну, где его вскоре схватили. Араи допрашивал пленника и записывал его показания, по которым составил книгу 「西洋紀聞」 «Сэйё:кибун» («Записки о Европе»). В ней описаны история, география, нравы евро-

пейских стран, а также основные постулаты христианской веры, к которым дан критический комментарий самого Араи Хакусэки. Для передачи имен, христианских терминов и непереводимых слов, имеющих отношение к европейской культуре, Араи использовал катакану, подчеркивая этим их чужеродный характер. Закончил эту работу Араи в 1715 г., и сразу после этого Сидотти был казнен. Впрочем, долгое время эти материалы считались «для внутреннего пользования», и книга была опубликована только в 1882 г., то есть в эпоху Мэйдзи, когда страна открылась миру, цензуру сняли, и правительство, наоборот, стало активно сотрудничать с Англией, Францией, Германией и другими странами.

Рис. 12. Араи Хакусэки

На иллюстрации видно, как Араи искаженно записал имя пленника: ヨワンバッティスタ シローテ [ёван баттиста сиро:тэ], а также его религиозную принадлежность и происхождение ローマンのパラールモ人 [ро:ман-но пара:румо дзин] — имеется в виду, священник римско-католической церкви, выходец из Палермо. Из этого же фрагмента понятно, что Араи использует почти такой же знак долготы для передачи иностранных звуков, как принято в современном японском правописании. Единственным отличием является положение этой черты относительно середины строки: у Араи она смещена вправо, а в современном правописании ее пишут точно по центру. Этот знак был его собственным изобретением. До тех пор долготу обозначали иероглифом 引, «тянуть» (так, например, в «Кодзики»), и в своем предыдущем отчете о допросах миссионера Араи использовал еще этот способ. Однако, вероятно, из-за частой необходимости обозначать долготу Араи отбросил левую часть иероглифа, оставив только длинную черту. Смещение этой черты вправо выдает происхождение этого знака, ведь если бы иероглиф был написан полностью, она стояла бы именно справа.

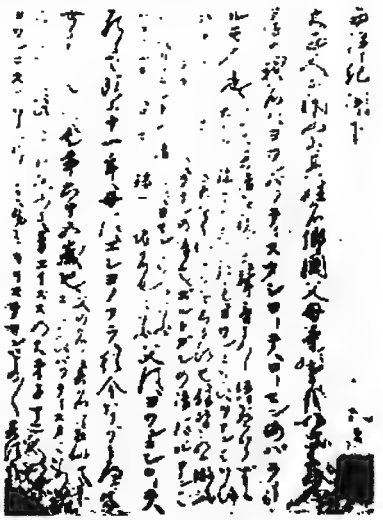


Рис. 13. «Сэйёкибун». Фрагмент

Интересно, что происхождение этого знака долготы от иероглифа 引 помнили довольно долго — до эпохи Мэйдзи, и даже когда начали писать тексты горизонтально, знак долготы все равно ставили вертикально. Например, сохранились личные записки известного писателя Нацумэ Сосэки (1867–1916), написанные горизонтально, где знак долготы стоит вертикально. Можно условно сказать, что этот знак долготы — это один из знаков катаканы, потому что он тоже создан на основе части иероглифа.

Когда Япония проводила изоляцию страны, близ Нагасаки был построен искусственный остров, где располагалось представительство сёгуната и где голландским купцам разрешалось вести торговлю. Тогдашняя интеллигенция могла узнать о европейских науках (медицине, астрономии, математике) только через Голландию. Отсюда возник термин 蘭学 [рангаку] (дословно — «голландские науки») — так в XVI–XIX вв. называлась в Японии система европейских наук о мире и человеке. В книгах по *рангаку* продолжается традиция Араи: иностранные термины записаны катаканой, а остальной текст — иероглифами и хираганой.

В эпоху Мэйдзи произошел резкий скачок в количестве европейских заимствований в японском языке. Впоследст-

вии, в эпоху Тайсё и Сёва иностранных слов стало еще больше, особенно после Второй мировой войны, и с каждым годом их число растет. Запись этих новых заимствований катаканой практически уже стала законом.

Раньше, когда европейская лексика еще только начала появляться в японском языке, не было твердого правила их записи, для этого использовали и иероглифы, и хирагану, и катакану. Благодаря Араи Хакусэки у японцев появилась возможность зрительно различать «свои» и «чужие» слова в тексте, и этот способ оказался очень эффективным, рациональным и приемлемым для японской интеллигенции. Постепенно эта система стала стандартной для японского языка.

Китайские заимствования

Может возникнуть вопрос: почему слова китайского происхождения не относятся к гайрайго? Действительно, для китайских заимствований есть свой термин, *канго*, и японцам они не кажутся «чужими». Тем не менее, стилистическая разница между *канго* и *ваго* есть, и это влияет на словоупотребление. Некоторые начинающие студенты-японисты стараются как можно больше использовать лексики *канго* в своих сочинениях и даже в личных письмах. В итоге, когда такой текст читают носители языка, у них остается недоуменное впечатление: «Слишком напыщенно». С другой стороны, если в нужном месте вместо *канго* используется *ваго*, текст кажется несерьезным. В докторских диссертациях, научных статьях, государственных законах, медицинской литературе изобилие *канго* вполне уместно.

В своем эссе «Красота кандзи-кана-мадзири-бун» Хиракава Сукэхиро пишет: «*Вака*, которую писали только с помощью *ваго*, перестала развиваться. *Хайку*, которая приняла *канго*, лексически и художественно стала намного богаче. Благодаря письменной культуре *кандзи-кана-мадзири-бун*, мир семнадцати слогов стал значительно разнообразнее и

ярче»[54]. В качестве доказательства Хиракава приводит *хайку*, написанную поэтом по имени Ёса Бусон (1716–1783):

骨拾ふ人にしたしき菫かな

коцу хироу хитони ситасики сумирэ кана

Людей, которые пришли забрать
Кости любимого друга,
Пожалеет фиалка.
(Пер. Ю. В. Судо)

Фиалки у японцев ассоциируются с молитвой: головка цветка смиренно склоняется перед божественным, и душа находит успокоение. Эта же ассоциация стоит за образами знаменитого стихотворения:

春野尓 須美礼採尓等 来師吾曽 野乎奈都可之美 一夜宿二来

Харуно нони сумирэ цуминисито кисиварэсо но о нацукасими хитоёнэникэру

Я в весеннее поле пошел за цветами,
Мне хотелось собрать там фиалок душистых,
И поля показались так дороги сердцу,
Что всю ночь там провел средь цветов до рассвета.

Манъёсю, VIII том, 1424-я вака, автор Ямабэ-но Акахито (годы жизни неизвестны, приблизительно VIII век).

Читателям стихотворения Ёса Бусона обязательно вспоминалась вака Ямабэ-но Акахито, и они ярко представляли

[54] Хиракава С. Кандзи-кана-мадзири-бун-но уцукусиса (Красота кандзи-кана-мадзири-бун) // Такахаси К. (ред.) Уцукусий Нихонго (Красивый японский язык). Токио, 2002. С. 170.

себе фиалку, сочувственно кивающую друзьям покойного и возносящую за них молитвы. Хиракава так комментирует это стихотворение: «Самый первый иероглиф 骨 надо читать по *он* [коцу], а не по *кун* [хонэ]. «Косточки рыб» — [хонэ], «кости умершего человека» — [о-коцу]. Если прочитать по *он*, та же фраза звучит намного благороднее, чувствуется уважение к покойному. Именно поэтому мы ритуальное самоубийство 切腹 называем [сэппуку], а не просто [харакири]. С другой стороны, друзья-фронтовики перед боем говорили друг другу: "Я соберу твои кости", и здесь произносили это слово как [хонэ]. Причина в том, что когда мы используем *ваго*, сильнее чувствуется настоящая, искренняя дружба». Таким образом, разница в чтении по *он* и по *кун* порождает различные стилистические нюансы, которые легко понятны носителю языка. По содержанию, по стилю выбор чтения очень важен. Можно сказать, что для японского языка характерно использовать для усиления яркости выражения не только визуальные средства (кандзи), но и звук, то есть в точности, как говорил Кукай.

Ваго, канго и гайрайго

В современном японском языке есть немало слов, представленных в вариантах *ваго*, *канго* и *гайрайго*, однако синонимами эти три формы называть нельзя. Прослеживается устойчивая тенденция: *гайрайго* обычно отражает самый высокий стиль, а *ваго* — наиболее просторечный. Вот несколько примеров:

ваго	**канго**	**гайрайго**	**перевод**
ядоя	рёкан	хотэру	гостиница
карувадза	кёкугэй	акуробатто	акробат
маваримити	укаиро	байпасу	обход, объезд
торикэси	кайяку	кянсэру	отмена

омоицуки	тякусо:	айдэа	идея
нэдоко	синдай	бэддо	кровать

Гостинца-ядоя вызывает ассоциации: старое деревянное здание, внутри все в японском стиле, в номерах нет кроватей, гостям стелят на полу, проживание стоит дешево. Рёкан обычно выглядит лучше: удобные номера, цены повыше, стиль по-прежнему чисто японский. Хотэру — шикарный многоэтажный отель в европейском стиле, в номере есть туалет и ванная, стоят кровати. Именно эта тенденция (наиболее положительная ассоциация возникает, когда слышат гайрайго) способствует росту заимствований из европейских языков, особенно английского: коммерсанты стремятся привлечь клиента роскошными образами. Для японцев совершенно невообразима идея, что машину можно назвать «Москвич» или «Жигули». Если бы «Тойота» выпустила новый автомобиль под названием «Эдокко» («Токиец») или «Фудзисан» («гора Фудзи»), покупатели представили бы себе древнюю развалюху, которая вряд ли сможет сдвинуться с места.

Глава шестая

ХАРАКТЕР ВЫРАЖЕНИЯ ЗВУКА И СМЫСЛА В КАНДЗИ И КАНЕ

Иероглифы отличаются от каны тем, что передают прежде всего смысл, и потому называются по-японски 表意文字 «хё:и-модзи». Знаки каны передают звук, и потому называются 表音文字 «хё:он-модзи». Однако разве иероглиф не передает и звук? Разве кана не передает и смысл?

Форма, звук и смысл

С давних пор в Японии говорят: «Иероглифы имеют форму, звук и смысл», то есть выражают три аспекта. Из них звук и смысл относятся к языку, то есть звук и смысл существуют и сами по себе, без формы. Однако иероглиф имеет определенную форму, выражает определенный смысл и обладает определенным произношением. Эти смысл и произношение заключены в эту форму, то есть форма иероглифов тоже относится к языку, иероглиф передает и смысл, и звук, и эта передача имеет определенный характер.

Отдельно взятый знак каны не выражает конкретного смысла, обычно для записи даже одного слова требуется несколько букв. Тем не менее, на практике бывает, что одна буква в тексте уже несет какой-то смысл.

Есть ли разница между каной и иероглифами с точки зрения функции передачи звука? Кана разделяет звуки языка на фонетические единицы и присваивает каждой свой знак. Цепочка звуков языка передает смысл. Нельзя разделить эту цепочку на части меньше слов без потери смысла. Однако, с

точки зрения только звука, возможно деление совсем мелкое. Кана разбивает язык на звуки и так передает форму языка. Иероглифы же отражают целостность слова и в этом их главное отличие.

Для японского языка большое значение имеет музыкальное ударение,

高低アクセント [ко:тэй акусэ:нто], которое теряется при записи каной. Например, 「アメ」(雨) «дождь»; 「アメ」(飴) «леденец»; 「ハシ」(箸) «палочки для еды»; 「ハシ」(橋) «мост». Эти слова составлены из одинаковых звуков, но отличаются музыкальным ударением и потому легко различимы на слух. Однако кана не передает тональность японской речи.

В свою очередь, каждый иероглиф имеет свой смысл. Соответственно, к этому смыслу привязано и музыкальное ударение. Благодаря целостности иероглифа тональность японской речи сохраняется и при письме. Можно даже сказать, что характер передачи звука у иероглифов точнее, чем у каны. В японском языке существует немало омонимов, но при записи иероглифами проблемы понимания не возникает, поскольку каждому смыслу соответствует своя форма. Беглого взгляда бывает достаточно, чтобы ухватить суть написанного.

Кана же передает только цепочку звуков (одна буква, две, три...). При написании без пробелов бывает трудно разделить эту цепочку на лексические единицы: не сразу понятно, где кончается одно слово и начинается другое. Показателен эпизод из книги «Мальчуган» Нацумэ Сосэки. Главный герой получает письмо от своей старой няни, доброй, но малообразованной женщины. Она очень старалась и написала длинное письмо своему бывшему воспитаннику в Токио. По ее признанию, черновик она писала четыре дня, а чистовик — два, и извинялась, что плохо написано и трудно читать, но просила уважить ее старание и дочитать до конца. Вот какое впечатление произвело на главного героя это письмо:

成程読みにくい。字がまずいばかりではない、大抵平仮名だから、どこで切れて、どこで始まるのだか句読をつけるのに余っ程骨が折れる。おれは焦っ勝ちな性分だから、こんな長くて、分かりにくい手紙は五円やるから読んでくれと頼まれても断わるのだが、この時ばかりは真面目になって、始から終まで読み通した。読み通した事は事実だが、読む方に骨が折れて、意味がつながらないから、又頭から読み直してみた。[55]

Да, письмо ее действительно было трудно читать, и не только потому, что буквы неровные. Почти все письмо написано хираганой, не поймешь, где кончается одно слово и начинается другое. У меня характер непоседливый, и такое длинное и непонятное письмо не стал бы читать, даже если бы кто пришел и сказал: «Вот тебе пять йен, прочти!» Однако ради такого случая я взял себя в руки и прочел все от начала до конца. Впрочем, я так сосредоточился на чтении отдельных слов, что общий смысл ускользнул от меня. Пришлось читать еще раз с самого начала (пер. автора).

Обычно в таких случаях помогает чтение вслух, но все равно случаются ошибки. Так или иначе, чтобы вникнуть в смысл текста, написанного каной, требуется намного больше усилий, чем при чтении иероглифов.

Вспомним манъёгану. Там текст тоже написан без пробелов, а в качестве знаков выступают иероглифы, и у каждого имеется свой смысл. Однако смысл этот, как правило, не учитывается, каждый знак представляет собой фонетическую единицу. Это просто нестандартный случай использования иероглифов. Текст, написанный манъёганой, читать еще труднее, чем написанный хираганой или катаканой.

[55] Нацумэ Сосэки. Боттян (Мальчуган). — Токио, 1997. С. 74.

В европейских языках письменный текст выглядит как разбросанные по бумаге «сгустки» букв — слова. Эти «сгустки» соответствуют иероглифам. При написании японского текста каной пробелы не используются, почему-то такой обычай не привился.

Раньше знаки каны「い」и「ゐ」,「え」и「ゑ」,「お」и「を」 звучали одинаково, хотя каждый имел свое назначение. Например, в словах「入る」«войти»,「射る」«стрелять из лука» и「要る」«нуждаться» (「イル」) использовали「い」(«и»), а в слове「居る」«быть» другой «и» — 「ゐ」. В словах「得る」«получать» и「彫る」«вырезать из камня или дерева» один и тот же звук «э» записывается「え」в первом случае, а「ゑ」во втором. Так показывали разницу смысла. В принципе можно сказать, что у каны есть ресурсы указания на смысл. Однако по нынешнему правописанию такое смыслоразличительное употребление знаков каны не применяется, этот способ утрачен для большинства знаков, исключение составляют только 「お」 и 「を」.

Японские иероглифы

Иероглифы, придуманные самими японцами, называются 国字[кокудзи] или, иначе, 和字 [вадзи]. Эти знаки созданы, конечно, на основе китайских иероглифов, но среди настоящих китайских иероглифов их нет.

История *кокудзи* достаточно долгая, они впервые начали появляться еще в эпоху Нара. В памятниках эпохи Хэйан можно насчитать до 400 таких чисто японских иероглифов. Самые характерные из *кокудзи* связаны с названиями рыб и других обитателей морских глубин. Это объясняется тем, что Япония со всех сторон омывается морем, и рыба представлена на столе японцев в значительно большем разнообразии, чем у жителей материкового Китая.

Среди *кокудзи* больше всего таких, что созданы способом идеограммы. Смысловые знаки соединяются в новый иероглиф. Например, 鰯 [иваси] «иваси»: «рыба» и «слабый»;

дело в том, что когда иваси вылавливают, она сразу умирает. 鱈 [тара] «минтай»: «рыба» и «снег», это объясняется тем, что мясо минтая имеет белоснежный цвет. 鯱 [сяти] «косатка»: «рыба» и «тигр», это отражает агрессивность этого морского животного. Все эти знаки создавались, чтобы выражать *ваго*, то есть понятия, которые не существуют в китайском языке и культуре. По этой причине чтение этих слов почти всегда *кунное*.

По способу идеограммы составлены также следующие слова: 躾 [сицукэ] «воспитанность», 辻 [цудзи] «перекресток», 凪 [наги] «штиль», 雫 [сидзуку] «капель».

В списке иероглифов повседневного использования зафиксированы также следующие восемь знаков *кокудзи*: глаголы 込む [ко-му] «быть многолюдным», 搾る [сибо-ру] «отжимать», 働く [хатара-ку] «работать»; существительные 峠 [то:гэ] «горный перевал», 畑 [хатакэ] «огород», 枠 [ваку] «рамка», 塀 [хэй] «забор», 匁 [моммэ] «единица веса, 3,75 г». Среди них *сибору* и *хатараку* имеют еще онные чтения, которые используются в случаях сочетания с другими словами. 搾取 *сакусю* — «эксплуатация». 労働 ро:до: — «труд». Встает вопрос: откуда у чисто японских иероглифов появилось чтение *он*? Это связано с тем, что каждый иероглиф состоит из нескольких частей, и эти части имеют *онные* чтения. Например, в *сибору* входит элемент из иероглифа 作る [цуку-ру], сделать, а он читается по *он* как [саку]: 作品 [сакухин]. В *хатараку* входит элемент 動く [уго-ку], и на этом основании ему присвоено чтение [до:]: 自動車 [дзидо:ся]. Что же касается иероглифа *хэй*, он вообще имеет только *онное* чтение, то есть является исключением. В него входит элемент иероглифа 并 [хэй], «соединять», и для нового иероглифа взяли только это чтение.

Глава седьмая

ПОЧЕМУ КАНДЗИ ИМЕЮТ НЕСКОЛЬКО ВАРИАНТОВ ЧТЕНИЯ

Когда японские школьники начинают жаловаться на то, что им приходится учить слишком много иероглифов, учителя говорят им: «Вот вы жалуетесь, а китайские дети за то же время должны усвоить в три с половиной раза больше кандзи!» На самом же деле китайским школьникам не так трудно выучить свои 3 600 знаков, как может показаться.

В китайском языке большинство иероглифов имеет только по одному чтению. Кроме того, эти единственные чтения совпадают с разговорной речью. В японском языке практически каждый иероглиф имеет несколько вариантов прочтения. Чтение *он* — принятое китайское произношение иероглифа, обычно искаженное по сравнению с реальным китайским языком. Чтение *кун* — японский перевод смысла иероглифа. Кроме того, и *онных*, и *кунных* чтений может быть несколько. Например, возьмем「生」. Этот иероглиф читается: «сэй», «сё:», «ики»-ру, «у»-му, «нама», «хаэ»-ру, «ки». Если включать имена собственные, например, 「相生」ай-«ой(оу)», 「桐生」кир-«ю», получается еще большее число чтений.

Множественность кунных чтений

Каждый переводчик знает, что не для всех иностранных слов можно подобрать однозначный эквивалент. Значение слов в двух таких разных языках как китайский и японский не могло совпадать во всех случаях. Например, в Китае большие и маленькие реки обозначаются разными иерогли-

фами, поскольку им соответствуют разные слова. В японском варианте оба иероглифа получили одно и то же *кунное* чтение — [кава]. Кроме того, в китайском языке можно было использовать одно и то же слово как существительное и как глагол, например, иероглиф 足, «нога», переводился как [аси], «нога», и как [тару], «хватать». Таким образом, с самого начала существовала множественность *кунных* чтений иероглифов.

Не так точно известно, когда окончательно сформировалась система *кунных* чтений, но в сборнике «Манъёсю» очень свободно используется чтение *кун*, и можно предполагать, что система сформировалась не менее чем за сто лет до появления данного литературного памятника, то есть в VI веке или ранее.

Вот пример вака из сборника «Манъёсю», где используется манъёгана только по чтению *кун*.

«Манъёсю», 4 том, 599-я песня. Автор Каса-но Ицурамэ (годы жизни неизвестны).

朝霧之 欝相見之 人故尓 命可死 戀渡鴨

Асагирино оонимиайси хитоюэни инотисинубэку кой-ватарукамо

Из-за тебя,
Кого я видела так мало,
Вдали, как утренний туман,
Я жизнь отдать и умереть готова,
Любя тебя, тоскуя о тебе!

Среди *кунных* чтений имеются следующие виды:

1. Коккун 「国訓」 — слово в японском языке никак не связано со смыслом собственного знака иероглифа, только используется фигура знака. Примеры:

- 供 имеет собственный смысл «приношение», а по-японски он читается [томо], «сопровождение».
- 咄, собственное значение — «ругаться», а по-японски он читается [ханаси], «рассказы».

2. Гикун — 「義訓」 слово в японском языке является переводом китайского фразеологического оборота или словосочетания. Примеры:

- 雪崩, «лавина», состоит из иероглифов «снег» и «разрушаться», но читается по-японски [надарэ].
- 浴衣, «легкое летнее кимоно», записывается иероглифами «купаться» и «одежда», поскольку в древности такую одежду надевали только во время купания в бане, но это слово никогда не читается [ёкуи], по-японски оно звучит [юката].
- 小豆, Традиционные в японской кухне красные бобы записываются иероглифами «маленький» и «бобы», но чтение у этого слова [адзуки]. Как [сё:дзу], по *он*, это слово читают только производители сои, чтобы отличать эту культуру от 大豆 [дайдзу] — «соя», — и данное чтение может быть непонятно японцам, далеким от этого рода деятельности.
- 紅葉, «клен», записывается по-китайски как «алые листья», а читается по-японски [момидзи]. Если же его прочитать по «он», [ко:ё:], смысл будет совсем другим, это слово уже не обозначает «клен», а просто описывает процесс, когда деревья меняют цвет листьев.

3. Сэйкун — 「正訓」 слово в японском языке соответствует смыслу китайского иероглифа. Примеры:

- 山, «гора», читается по *кун* как [яма].
- 石, «камень», читается по *кун* как [иси].

Множественность онных чтений

Причина многочисленности чтений *кун* очевидна, ведь они возникли при записи исконно японских слов смысло-

выми иероглифами, то есть представляют собой перевод. Почему же бывает несколько чтений *он*? Ведь *онные* чтения были заимствованы из китайского языка, а потому должны быть единственными, не так ли?

Причина кроется в разнице диалектов, а также в исторических изменениях, имевших место в китайском языке на протяжении длительного времени. В Японии иероглифы появились в 439–539 годах. В те времена на юго-западе Корейского полуострова со стороны Желтого моря располагалось царство Пэкче, и именно люди из Пэкче впервые принесли китайскую письменность в Японию. В нижнем течении реки Янцзы была Южная Династия (Хан/Наньчао, 420–584 г.), это место являлось центром культуры тогдашнего Китая. Между Пэкче и Южной Династией шел активный торгово-культурный обмен. Северная Династия относилась к иному племени, чем Хан, и Япония, Пэкче и Силла (еще одно из трех древних царств на Корейском полуострове) считали именно Южную Династию политическим и культурным лидером, чьи достижения были достойны подражания. Японию от Китая отделяло море, а потому китайский язык пришел туда не сразу, а поэтапно. Первая волна была как раз от Южной Династии. В той местности, где находилась Южная Династия, ранее — во время троецарствия в Китае — располагалось царство У 「呉」, в японском варианте — Го. Позже для выделения данного произношения китайского языка среди остальных диалектов стали использовать имя этого царства: «го-он» 「呉音」.

Вторая волна была во время царства Тан (618–907). Когда Китай объединился под властью Тан со столицей в Чанъань, центром культуры стал именно этот город (нынешний Сиань). На карте хорошо видно, что это место удалено от нижнего течения реки Янцзы, и, естественно, язык существенно отличается от языка того региона. После объединения Китая Япония посылала миссии, которые на-

зывались 遣隋使 «Кэндзуй-си»[56], или 遣唐使 «Кэнто:-си»[57], но участники миссии изучали китайский язык в Японии по стандарту «го-он» и по приезде в Китай обнаруживали, что не могут понять друг друга с принимающей стороной. Они начинали изучать произношение региона Чанъань и приносили в Японию новый вариант произношения, называя его «кан-он» 「漢音」 — «настоящее китайское произношение». С того времени это произношение начало распространяться по всей Японии, и в «Анналах последующих записей о Японии» был записан указ императора Камму от 792 г.:

延暦十一年閏十一月辛丑。勅。明経之徒、不可習音。発声誦読。既致訛謬。熟習漢音。[58]

[56] Кэндзуй-си — миссии из Японии в царство Суй (по-японски это название произносили «Дзуй»), отправленные принцем Сётоку. Самая первая миссия была отправлена в 607 году, возглавлял ее первый посол — Оно-но Имоко. Целью миссий было изучение государственной системы и культуры царства Суй, установление равноправных дипломатических отношений между двумя странами, а также обеспечение преимущественного положения Японии по сравнению с Кореей.

[57] Кэнто-си — миссии из Японии в царство Тан (по-японски это название произносили «То:») в период 630–894 гг. Целью миссий было сохранение дружеских отношений с царством Тан, изучение государственной системы и культуры царства Тан, получение разнообразной информации по Азии и Корейскому полуострову. В состав миссий входило около 400 человек, во главе находился посол и его помощники, кроме них были еще студенты, стажеры, монахи и послушники. Каждый раз отправлялось четыре судна.

[58] «Анналы последующих записей о Японии», «Нихон коки», составлялись в течение 42 лет и были завершены в 840 г. Памятник сохранился не полностью, из 40 томов до нас дошли всего 10. Утерян и том, содержащий данный указ. Текст приводится по книге 1752 г. 三音正譌 «Санъон сэйка», «Правила использования трех произношений». Ее автор — буддистский монах Монно: (1700–1763), бывший главным монахом храма Рёрэн в Киото. Монно взял эти указы из 34-томного собрания 日本紀略 «Нихонги ряку» — сокращенного варианта «Нихон коки», датируемого примерно концом XI в.

11 год Энряку, 11-й месяц, 20-е число. Указ. Запрещаем конфуцианцам читать свои книги, как учат в царстве У, и повелеваем всем изучать настоящее китайское произношение (пер. автора).

В результате *кан-он* распространилось шире, чем *го-он*, но из-за привычности последнего полностью от него избавиться было трудно. Таким образом, и до сих пор сохраняется состояние, когда у иероглифов в японском языке параллельно существует два произношения. Их различие обусловлено временем и пространством. *Го-он* часто встречается в названиях предметов, давно заимствованных из Китая, и в терминах буддистской религии. *Кан-он* больше встречается в терминологии официальной китайской литературы. В Корее и Вьетнаме такой двойственности нет.

Теперь посмотрим, как эти два произношения соотносятся между собой. Например, 「成」 («становление») обычно читается [сэй]. В случае 「成就」 («исполнение») он произносится [дзё:], но это исключение. Однако иероглиф 「城」 («замок»), в состав которого входит вышеупомянутый 「成」, обычно как раз читается [дзё:], а как часть слова 「傾城」 («куртизанка») он читается [сэй], и это уже исключение.

「成」и「城」читаются [дзё:] по *го-он*, а [сэй] — по *кан-он*. Это очевидно. Между *го-он* и *кан-он* существует четкая система соответствий. Иероглиф 「大」 («большой») читается либо [тай], либо [дай]. Разница между глухим и звонким звуками такова: глухой звук — *кан-он*, звонкий — *го-он*. Таких примеров очень много. Помимо разницы глухой/звонкий, бывают пары: ма/ба, на/да, ни/дзи (дзэ), у/оу, у/дзю, он/эн, ай/эй, дзё:/эй, тэ/цу и т. д. Ниже приводится таблица этих соответствий.

Таблица соответствий *го-он* и *кан-он* для некоторых иероглифов

		呉音	(濁音)	漢音	(清音)
1.	大	ダイ	大臣	タイ	大陸
	地	ジ	地震	チ	地下
	土	ド	土台	ト	土地
	分	ブン	分離	フン	分別

		呉音	(ma)	漢音	(ba)
2.	美	ミ	美濃	ビ	美人
	万	マン	巨万	バン	万事
	無	ム	無心	ブ	無事
	幕	マク	幕屋	バク	幕府

		呉音	(na)	漢音	(da)
3.	内	ナイ	内親王	ダイ	内裏
	男	ナン	長男	ダン	男子
	女	ニョ	女官	ヂョ	女子
	怒	ヌ	憤怒	ド	怒号

		呉音	(ni)	漢音	(zi ; ze)
4.	児	ニ	小児	ジ	児童
	日	ニチ	日輪	ジツ	期日
	若	ニャク	老若	ジャク	若年
	人	ニン	女人	ジン	名人

		呉音 (u)		漢音 (ou)	
5.	口	ク	口調	コウ	口頭
	工	ク	大工	コウ	工場
	頭	ヅ	頭痛	トウ	頭身
	公	ク	公家	コウ	公人

6.	呉音	(u)	漢音	(ju)
右	ウ	右大臣	ユウ	左右
九	ク	九字	キュウ	九州
久	ク	久慈	キュウ	久闊
留	ル	留守	リュウ	留年

7.	呉音	(on)	漢音	(en)
建	コン	建立	ケン	建設
言	ゴン	遺言	ゲン	言動
権	ゴン	権化	ケン	権利
遠	オン	久遠	エン	遠足

8.	呉音	(ai)	漢音	(ei)
西	サイ	西域	セイ	西洋
礼	ライ	礼賛	レイ	礼儀
米	マイ	古米	ベイ	米飯
体	タイ	体育	テイ	世間体

9.	呉音	(jo:)	漢音	(ei)
京	キョウ	京都	ケイ	京師
兵	ヒョウ	兵法	ヘイ	兵士
正	ショウ	正面	セイ	正解
丁	チョウ	丁度	テイ	丁寧

10.	呉音	(ti)	漢音	(tsu)
一	イチ	一日	イツ	一対
質	シチ	質屋	シツ	質問
吉	キチ	吉日	キツ	吉夢
達	タチ	公達	タツ	達人

У иероглифов, используемых в японском языке, имеется несколько чтений по *он*. Как показано выше, эта разница обычно совпадает с разницей между *кан-он* и *го-он*. Однако бывает так называемое произношение「唐音」[то:-он]. Это произношение пришло в Японию в период

после эпохи Камакура до эпохи Эдо. Хотя называется оно *то-он* (произношение царства Тан), на самом деле оно появилось после царства Сун (960–1127), то есть во время царств Юань (1279–1368), Мин (1368–1644), Цин (1644–1912). Когда китайские торговцы приезжали в Японию, а японские буддистские монахи направления дзэн ездили в Китай, тогда и было заимствовано это произношение. Сначала оно так и называлось —「宋音」[со:-он], «произношение царства Сун», а после эпохи Муромати его стали именовать *то-он*, «произношение царства Тан». Например, в слове「椅子」[ису] — «стул» — составной иероглиф「子」 читается [су], а слово「行燈 — «фонарь» — произносится [андон], то есть то:-он очень похоже на нынешний пекинский диалект. Слова, которые произносятся по то:-он, ограничены. В словаре「言海」«Гэнкай»[59] зафиксировано 96 таких слов.

Сочетаемость *кан-он* и *го-он*

Существует правило японской грамматики: в составных словах и идиомах все иероглифы следует читать единообразно, все по *кан-он* или все по *го-он*. Тем не менее, есть иероглифы, у которых одно из чтений более распространено, чем остальные. В таком случае иногда это чтение используется в составных словах независимо от чтения других иероглифов в слове, отсюда возникают смешанные варианты.

Существует издание речей известного ученого эпохи Мэйдзи по имени Фукудзава Юкити (1835–1901), там дважды встречается слово「言語」, причем хираганой подписана транскрипция [гэнгё], тогда как в современном японском языке это слово произносится [гэнго]. Если посмотреть в словаре иероглифов слово「語」, там обнару-

[59] «Гэнкай» — первый толковый словарь японского языка, составлен в XIX веке ученым Оцуки Фумихико (1847–1928).

жатся два произношения: по *кан-он* [гё], а по *го-он* [го]. Если проверить слово「言」, то по *кан-он* там дается [гэн], а по *го-он* [гон]. Таким образом, прочитать это сочетание иероглифов по *кан-он* можно [гэнгё], а по го-он [гонго]. Произношение [гэнгё] считается правильным. Тогда почему же в современном японском языке принят смешанный вариант [гэнго]? На самом деле, в эпоху Мэйдзи использовались оба варианта: [гэнгё] и [гэнго] параллельно. При этом в японской лексике имеется много слов, имеющих в своем составе「語」[го] (типа「国語」*кокуго* — «родной язык», 「英語」 *эйго* — «английский язык»,「日本語」«нихонго» — «японский язык», и т. д.), и звучание [гэнго] было привычнее для уха, поэтому оно приобретало все большую и большую популярность, пока не вытеснило более правильное [гэнгё]. Такие варианты произношения называются「慣用音」(«канъё:-он» — «принятое произношение»). Любопытно, что в современном японском языке существует вариант [гонго] в идиоматическом выражении「言語道断」[гонго до: дан] («нет слов!»). Это выражение используют буддистские монахи в следующем смысле: «Глубокую истину буддистской религии словами объяснить нельзя». Произношение слова「言語」по *го-он* [гонго], которое используется в этом выражении, соответствует вышеуказанной норме.

В Японии так сложилось, что в каждой области (религия, наука, искусство) есть свои предпочтения в плане произношений. У последователей Конфуция принято использовать кан-он, а у буддистов, в песнях вака и среди японоведов — го-он. Интересно, что го-он остался стандартным произношением в буддизме, несмотря на прямое указание императора изучать кан-он. Поскольку буддизм имел в тогдашней Японии большую власть, сродни католической церкви в средневековой Европе, нарушение императорского указа никак не наказывалось.

Более того, в 798 г. была принята такая поправка к указу 782 г.:

延暦十七年詔、用漢音読五経明経之徒、従之読十三経也、如詩文雑書、呉漢雑用、仏書、仍舊以呉音読焉。[60]

17 год Энряку. Указ. Повелеваем конфуцианцам читать Пятиканоние и Тринадцатикнижие в соответствии с настоящим китайским произношением. В художественной литературе и поэзии позволяем использовать кан-он и го-он по усмотрению. Буддистские книги позволяем читать, как учат в царстве У. (Пер. автора.)

Существование вариантов чтения может представлять сложность для иностранцев. Например, в учебнике «устная речь» называется 音声 [онсэй] (то есть используется смешанное произношение), а в художественной литературе встречается 大音声 [дайондзё:] (оба иероглифа читаются по го-он), «громкий голос». В разных книгах можно встретить слово «красавец» как 美男子 [биданси] (по кан-он) и 美男 [бинан] (смешанное произношение), выбор определяется, например, желанием автора использовать слово «потверже» или, наоборот, смягчить впечатление от описываемого героя.

Кунные и онные чтения в идиомах

Обычно лексика *канго* произносится по «он», а лексика *ваго* — по «кун», но из этого правила есть исключения. Один способ чтения — 重箱読み [дзю:бакоёми], где первый иероглиф читается по «он», а второй по «кун». Для названия используется характерное слово из этой категории — *дзюбако*, набор лаковых ящичков для еды, которые складываются башенкой, и в каждый можно положить разное блюдо. Вот еще несколько слов, которые произносятся аналогичным образом:

[60] Поправка приводится в книге «Санъон сэйка» (см. выше).

иероглифическая запись	произношение	перевод
本棚	[хондана]	книжный шкаф
毎朝	[майаса]	каждое утро
台所	[дайдокоро]	кухня
茶色	[тяиро]	коричневый цвет

Следующий способ чтения называется 湯桶読み [юто:ёми], здесь наоборот: второй иероглиф читается по «он», а первый по «кун». Для названия также используется характерное слово из этой категории — *юто*, лаковый сосуд для горячего питья, похожий на чайник, куда наливают кипяток, чай, теплое сакэ. Вот еще несколько слов, которые произносятся аналогичным образом:

иероглифическая запись	произношение	перевод
値段	[нэдан]	цена
手本	[тэхон]	пример, образец
荷物	[нимоцу]	багаж
夕刊	[ю:кан]	вечерний номер газеты

Особую сложность для изучающих японский язык представляют слова, которые меняют смысл в зависимости от варианта чтения (ваго и канго).

Вот несколько примеров:

иероглифическая запись	*онное* чтение и перевод	*кунное* чтение и перевод
国境	[коккё:] граница между государствами	[кунидзакай] граница между провинциями
人気	[нинки] популярность	[хитокэ] используется обычно в отрицательных предложениях: «хитокэга най» — никого нет.
草原	[со:гэн] саванна, широкая степь	[кусаха(ва)ра] дикие, беспорядочные заросли травы
白髪	[хакухацу] белоснежная седина, полностью седой человек	[сирага] отдельные седые волоски в шевелюре, седина на висках
大人	[тайдзин] влиятельное лицо	[отона] взрослый человек

Как видно из таблицы, слова, которые записываются одинаково, а читаются по-разному, имеют и разный смысл. Кавабата Ясунари использовал эту разницу, чтобы подчеркнуть контраст между климатом со стороны Японского моря и со стороны Тихого океана. В повести «Снежная страна» главный герой едет из Токио в Ниигату на поезде и проезжает тоннель Симидзу, на границе префектур Гумма и Ниигата. Повесть начинается с описания этого момента:

国境の長いトンネルを抜けると雪国であった。

коккё:-но нагай тоннэру-о нукэру-то юкигуни дэатта.

Миновав длинный тоннель, я оказался по ту сторону границы — в Снежной стране. (Пер. автора.)

Хотя поезд пересекает границу двух провинций[61], правильное чтение здесь [коккё:], что очевидно из ритма фразы.

[61] Среди японских литературоведов существуют разногласия по поводу чтения первого слова данной повести Кавабаты. Те, кто поддерживает [кунидзакай], опираются на тот факт, что на территории о. Хонсю нет границ между суверенными государствами. Сторонники

Речь идет о границе между западной и восточной Японией. Герой потрясен, он как будто попал в другой мир — в Снежную страну, а не в снежную префектуру.

Таким образом, в современном японском языке существует минимум три типа *онных* чтений. Множественность чтений у иероглифов обусловлена тем, что китайская письменность внедрялась в Японии поэтапно. Каждому этапу в Китае соответствовали различные культурные, политические, экономические условия, и вслед за переменами в обществе менялся и китайский язык. Каждая новая волна китайского влияния приносила с собой в японский язык «дополнения» к принятому ранее произношению, не отменяя при этом старых правил.

[коккё:], и таковых большинство, апеллируют к ритму фразы и общему смыслу произведения. Сам Кавабата, когда его спросили, как правильно читать начало повести, ответил: «Как хотите», — но знавшие его люди утверждают, что он сам читал [коккё:]. В русском издании этой повести дается такой перевод, основанный на чтении [кунидзакай]: «Поезд проехал длинный тоннель на границе двух провинций и остановился на сигнальной станции. Отсюда начиналась снежная страна» (Кавабата Я. Отраженная луна. СПб., 2001. С. 47.) Поскольку чтение фуриганой не дается, и по контексту понятно, что тоннель соединяет две префектуры, переводчик выбрал вариант [кунидзакай] и, как следствие, написал «снежная страна» с маленькой буквы. К сожалению, при этом потерялось эмоциональное начало повести: не чувствуется, насколько герой потрясен неожиданной переменой в пейзаже по выезде из темного тоннеля.

Глава восьмая

НЕКОТОРЫЕ «НЕДОРАЗУМЕНИЯ», ВОЗНИКШИЕ ПРИ АДАПТАЦИИ КИТАЙСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ К ЯПОНСКОЙ РЕЧИ

Поскольку японцы вынуждены были использовать письменность, созданную для другого языка, неизбежны были недоразумения, из которых наиболее типичными являются следующие два случая.

Обозначение на письме этимологически связанных слов

«Вначале было слово» — устная японская речь, которая развивалась своим путем, рождая однокоренные и этимологически связанные слова. Позже в Японию пришла китайская письменность, отражавшая китайскую устную речь со своей историей, со своим набором однокоренных слов, со своими внутренними связями. Поскольку это была не фонетическая, а смысловая система записи, все эти взаимозависимости отражались на письме в виде связанных или одинаковых иероглифов. При этом некоторые слова, однокоренные в японском языке, в китайском языке родственными не являлись и обозначались совершенно разными иероглифами. Японцы вынуждены были использовать китайские иероглифы в соответствии со смыслом слов, а не с их этимологией, в результате целый ряд родственных японских слов при переводе на письмо утратил очевидную связь. Об-

щую этимологию можно предположить только благодаря чтению «кун», которое у таких слов сохранилось одинаковым или сходным. Приведем два примера: пара [ти] / [тити], 血 / 乳— «кровь/материнское молоко» и пара [мидзууми] / [уми], 湖 / 海— «озеро/море».

Современный комментатор «Кодзики» по имени Миура Сукэюки (р. 1946) пишет об этимологическом происхождении слова «ти», которое часто упоминается в этом памятнике литературы, и обращает внимание на то, что данное японское слово используется как в смысле «кровь», так и в смысле «материнское молоко». В современном японском языке иероглиф 乳 («материнское молоко») имеет *кунное чтение* не [ти], а [тити], но существует слово 乳飲み子 [тиномиго] — «грудной ребенок», то есть здесь проявляется древний вариант. Интересно, что «материнское молоко» нередко использовалось как синоним слова «лекарство». Белое «ти» — материнское молоко — считалось источником жизни, и одновременно оно было символом материнства вообще, обозначая тесные узы, связывающие ребенка с матерью. С другой стороны, красное «ти» — кровь — было символом связи ребенка с отцом. В японской традиции молочные узы считаются крепче кровных, что отражает древнюю структуру японского общества. Тогда как в современной Японии женщины занимают подчиненное положение и даже законодательно ущемлены в своих правах, в древности (до влияния Китая) в японском обществе царил матриархат, наследование шло по женской линии, в связи с чем и императорский дом ведет свою историю не от мужского имени, а от женского: его родоначальницей считается богиня солнца Аматэрасу.

«Кодзики». Свиток I, глава 17.

爾[討虫]貝比賣岐佐宜【此三字以音】集而、蛤貝比賣持承而、塗母乳汁者、
成麗壯夫【訓壯夫、云袁等古】而出遊行。

«Тогда Дева-Ракушка поскоблила свою раковину и собрала наскобленное, в это время Дева-Моллюск ждала ее. Дождавшись, она взяла [тело юноши] и намазала его порошком раковины как материнским молоком. Юноша ожил, еще красивее прежнего, и весело пошел». (Пер. Н. И. Фельдмана.)

Иероглиф 湖, «озеро», используемый в современном японском языке, имеет онное чтение [ко] и в названиях водоемов читается именно так. Например, самое большое озеро Японии называется Бива-ко (озеро Бива). Когда же этот знак используется в качестве самостоятельного слова, он читается по «кун» [мидзууми]. В японском языке слово «море» звучит как [уми], а «пресная вода» как [мидзу], значит, «озеро» имеет смысл «пресное море», однако на письме эти слова обозначаются так: море — 海, пресная вода — 水, озеро — 湖, связь утеряна. Интересно, что существует литературный документ XIII века 「平家物語」 «Хэйкэ-моногатари» («Повесть о доме Тайра»), где «озеро» написано именно как 水海, что намного логичнее, чем 湖. Написание «мидзууми» сохранялось благодаря традиции, связанной с использованием манъёганы. Саму манъёгану к этому времени перестали использовать, и даже читать такие тексты почти разучились, но некоторые слова по привычке обозначали полуфонетическим способом.

«Хэйкэ-моногатари». Том IX, глава 2. «Фронт проходит по реке Удзи». Молодой самурай упрекает своего генерала:

鎌倉にてよくよく此河の御沙汰は候ひしぞかし。しろしめさぬ海河の、俄にできても候はばこそ。此河は近江の水海の末なれば、まつともまつとも水ひまじ。

«Вот, в Камакуре имеется немало сведений об этой реке, и дано было нам множество указаний. Если бы

на нашем пути появилось море или река, коих мы не знали бы, нынешние трудности были бы оправданы. Поскольку эта река идет от озера Оми, бесполезно ждать: все равно вода не спадет». (Пер. автора.)

Использование китайских иероглифов в новом значении

Чтение «кун» раньше называли «ёми», поскольку оно представляло собой буквальный перевод настоящего смысла китайского слова, обозначаемого этим иероглифом. Для «кун», конечно же, использовали японское слово, ранее существовавшее в языке. Однако бывало, что не было подходящего перевода, и Хасимото Синкити[62] приводит следующие примеры таких слов: 銅 «бронза» — [акаганэ] (букв. «красный металл»), 銀 «серебро» — [сироганэ] (букв. «белый металл»), 鉄 «железо — [кuроганэ] (букв. «черный металл»), то есть имел место описанный выше вариант. В случае написания слов на японском языке иероглифы обычно имели тот же смысл, что и в китайском, и обычное японское произношение данного слова считалось правильным чтением «кун». Были отдельные случаи, когда китайские иероглифы использовались японцами в ином смысле. Хасимото Синкити выделяет три категории таких особых случаев[63]:

1. Когда не находили подходящего иероглифа для конкретного японского значения, подбирали знак с близким значением или связанный по смыслу. Например, 串 на самом деле не имеет смысла «шампур», но означает «протыкать», поэтому его выбрали для описания палочки, на которую натыкают кусочки мяса для обжаривания. Так же 森 китайцы используют в значении «густо расти», а японцы — в значении «лес».
2. Использовали один и тот же иероглиф для разных смыслов одного японского слова. Например, 私 изначально использовался в смысле «личность», поэтому по «кун» он получил чтение [ватакуси]. Позже японское слово «ватакуси» приобрело смысл «я» (как раньше 余 [ё]), а иероглиф использовали тот же самый, то есть он приобрел смысл личного местоимения, а раньше этого значения он не имел.
3. Из-за того, что форма двух иероглифов была очень похожа, их перепутали и стали использовать один вместо другого. Например, 檢 и 瞥: в оригинале первый знак обозначает «фарш», а второй — «смотреть». Поскольку они друг с другом были очень сходны, японцы стали употреблять первый знак в смысле «смотреть», то есть ему приписали неверное толкование-чтение «кун»: [мисонава-су]. В значении «фарш» ни один из двух иероглифов японцами не использовался никогда.

[62] Хасимото Сиикити (1887–1945) — профессор Токийского государственного университета, первый президент Ассоциации японских филологов, отец японской грамматики.

[63] Хасимото С. Кокугогаку гайрон (Введение в языкознание). Токио, 1946. С. 145.

Такие варианты появились в тех случаях, когда японское слово выражали иероглифом. С точки зрения иероглифики, это не произношение иероглифа, а чтение на японском языке, и потому относится к «кун». Однако, конечно, это особый японский вариант чтения, который отличается от правильного чтения по «кун» и не совпадает по смыслу со значением иероглифа, как он используется в Китае.

Иероглифы царицы У Цзэ-Тянь

Царица У Цзэ-Тянь была женой императора Гао-цзуна (годы правления 649–683) и родила ему двоих сыновей — Чжун-цзуна и Жуй-цзуна. После смерти отца Чжун-цзун и

Жуй-цзун взошли на престол и стали царствовать вдвоем, но мать низложила их и провозгласила императрицей себя. Кроме того, У Цзэ-Тянь объявила об окончании династии Тан и начале своей собственной династии — Чжоу. Она правила Китаем в 684(690)–705 гг., и это время отмечено государственными реформами и жесткими мерами в отношении недовольных. За всю историю страны царица У Цзэ-Тянь была единственной женщиной на верховном престоле Китайской империи, которая была официально коронована и стала основательницей собственной династии. Однако на этом не заканчиваются ее беспрецедентные успехи.

У Цзэ-Тянь

Царица У Цзэ-Тянь прославилась еще и тем, что придумала и ввела в китайский язык новые иероглифы. Их количество достоверно не известно, большинство исследователей склоняется к цифре семнадцать.

Создавая новые иероглифы, У Цзэ-Тянь не ставила целью упрощение письменности — все ее знаки имели достаточно много черт, а потому некоторые исследователи обвиняют ее в дилетантстве. Однако не следует спешить с выводами. Дело в том, что царица верила в мистическую силу иероглифов и надеялась, что новые знаки помогут укрепить ее правление. Это особенно заметно по тому, как она изменила иероглиф своего имени. Дело в том, что при жизни царица носила имя 武照 [У Чжао], а У Цзэ-Тянь (武則天) — это ее посмертный титул. Легко заметить, что один из элементов ее настоящего имени, 照 («сияющий»), происходит от понятия «огонь». Царица же поставила иероглифы «солнце» и «луна» над иероглифом «небо», и получился новый образ (см. иллюстр.). Она расширила пространственную картину, описываемую иероглифом: вместо света от небольшого костра воображение рисует бескрайние просторы небес и высшие светила. Благодаря этому ее имя стало символизировать высшую власть.

После того, как одна из миссий Кэнтоси побывала в Китае, эти новые иероглифы попали в Японию. К тому времени У Цзэ-Тянь уже скончалась, а новый правитель отменил все ее иероглифы и вернул прежние. Тем не менее японские посланники посчитали необходимым донести информацию об иероглифах царицы У Цзэ-Тянь до соотечественников. Примечательно, что эти знаки обрели популярность не в столице Японии, а в провинции, что подтверждается последними археологическими раскопками: в провинциальных городах находят много керамической посуды, украшенной знаками царицы У Цзэ-Тянь. Предполагается, что, как и автор этих иероглифов, японцы ощущали мистическую силу необычных знаков, что характерно для начальных этапов использования письменности. В тех местах, где система письменности была менее распространена, люди ценили не практический ее аспект, а духовный, и приписывали иероглифам магическое значение. Все керамические сосуды с иероглифами царицы У Цзэ-Тянь, найденные в Японии, датируются не старше X века; после X века такие изделия исчезли. Это совпадает с развитием манъёганы и распространинием письменности за пределами столицы, практически по всей Японии.

Рис. 14. Некоторые иероглифы царицы

Самый поздний пример использования этих знаков — в имени князя эпохи Эдо 徳川光圀 Токугавы Мицукуни (1628–1700). Он сам изменил написание второго иероглифа 国 «страна» на вариант 圀. Создавая этот иероглиф, царица хотела показать, что страна будет расширяться в направлении «восьми частей света», то есть во все стороны, повсюду. Благодаря известности Токугавы Мицукуни, иероглиф 圀 — единственный из семнадцати, который можно печатать на компьютере.

Глава девятая

ФОРМИРОВАНИЕ ФОНЕТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ ГОДЗЮОН

Система *годзюон* в современном японском языке — это 45 слогов, расположенных параллельными рядами, и один согласный звук [н]. Буквально *годзюон* переводится как «пятьдесят звуков», но некоторые из рядов не полны — в современном японском языке утрачено 5 слогов из 50, существовавших ранее.

История этой системы начинается в эпоху Хэйан — чуть-чуть раньше, чем было написано стихотворное произведение «Ироха-ута», ставшее основой национальной карточной игры и ранних букварей. Таким образом, формирование системы *годзюон* шло на протяжении десяти веков.

Санскрит в Японии

В китайском царстве Тан был один буддистский монах по имени Сюаньцзан (602–664), и он утверждал, что в сутрах есть места, которые нельзя переводить. Он классифицировал их по пяти категориям и предложил оставлять их на санскрите как есть. Так из Китая сутры попали в Японию с непереведенными местами.

Пять категорий Сюаньцзана называются 五種不翻 [госюфухон] («пять видов непереводимого»).

Рис. 15. Сюаньцзан

Сюда относятся:

1. Слова и фразы, имеющие мистический смысл. Например, гатэгатэпарагатэпарасангатэбодхисваха. Условный перевод: «О, переводящая за пределы, переводящая за пределы, уводящая за пределы пределов, уводящая за пределы беспредельного пробуждения, славься!». Это конечная фраза Сутры сердца, Праджня-Парамиты, которую Сюаньцзан оставил непереведенной. Он считал, что мистика этой фразы не в смысле, а в звуке.
2. Многозначные слова. Например, бхагаван (японский вариант: бакабон). Условные переводы: «Тот, кто преодолел обыкновенную человеческую суету и обрел высшее и совершенное озарение», «Высшая личностная сущность Бога».
3. Названия животных и растений, которых нет в Китае. Например, джамбу (японский вариант: эмбудзю). Условный перевод: яблоня-ранетка, научное название: Eugenia Malaccensis Linn.
4. Слова, издавна используемые без перевода. Например, ануттараасамякса мбодхих. Условный перевод: высшее и совершенное озарение.
5. Слова, теряющие смысл при переводе. Например, праджня. Условный перевод: мудрость, — однако настоящий смысл намного глубже и не поддается человеческому выражению (вспомним фразу из главы 6: «Гонго до: дан!»).

У японских монахов, особенно из монастырей на горе Хиэй и горе Коя, которые относились к направлению в буддизме 密教 [миккё:] («тайное учение»), было принято читать сутры в качестве послушания, и молодые монахи читали с утра до вечера, стремясь духовно возрасти. Благодаря этой практике они начинали хорошо разбираться в звуковой системе, и неудивительно, что в этих монастырях начали серьезно изучать фонетический строй санскрита.

Зарождение японской фонетики как науки

В Индии с древности хорошо была развита наука, анализирующая фонетические системы. В VIII в. наука о произношении пришла в Японию вместе с буддизмом. Изучение санскрита, в том числе письменности, монахами направления миккё: привело к появлению науки「悉曇学」[ситтан-гаку]. Хотя этот термин произошел от санскритского «siddham», «исполнение желания», в японском языке исходное значение слова утратилось, и выражение приобрело смысл «фонетика». Скачок интереса к фонетике произошел в эпоху Хэйан: в те времена уже часто писали тексты на родном, японском языке (именно тогда была написана книга «Гэндзи-моногатари»). Люди начали мыслить и писать на том языке, на котором обычно разговаривали, двуязычие стало отмирать. Создание азбуки и принятие стандартного произношения стало остро необходимым.

Рис. 16. Кукай

Важнейшую роль в развитии фонетической системы японского языка сыграл буддистский монах по имени Кукай (посмертное имя — Кободайси, 774–835). Он углубил понятие звука и сформулировал схему звуковой системы японского языка, опираясь на санскрит. Кукай был первым в Японии, кто обратил внимание на мир звуков, из которых состоят слова. Его основная идея была в том, что суть слов и букв — звук. Для этого совокупного звука Кукай предложил термин 声字 [сё:дзи]. Сё — голос, дзи — сущность буквы; без звука сущность буквы не имеет смысла.

Величие Кукая породило немало легенд вокруг его имени. Ему приписывали даже авторство стихотворного произведения «Ироха-ута», ставшего основой национальной карточной игры и ранних букварей. Не умаляя достоинств Кукая, следует отметить, что по ряду признаков «Ироха-ута» — более позднее произведение. Во-первых, во время жизни Кукая различия между [э] из ряда а-и-у-э-о и [йэ] из ряда я-ю-йэ-ё были, а в «Ироха-ута» этих различий уже нет. Во-вторых, стихотворный размер 7–5 (стиль 今様 [имаё:]) появился в середине эпохи Хэйан и набрал популярность в эпоху Камакура, то есть уже после смерти Кукая.

Появление системы годзюон

В IX–X вв. появилось много поэтов и писателей, например группа «Тридцать шесть прославленных поэтов», Сугавара-но Митидзанэ (845–903), Ки-но Цураюки (872–945), Оно-но Тофу: (иначе: Митикадзэ, 894–966). Они сыграли важнейшую роль в развитии японской азбуки, правописания, ораторского искусства. В итоге была сформирована та система письма и произношения, которая принята в Японии сейчас. Создались предпосылки для создания системы *годзюон*, и этот исторический момент наступил.

Ямада Такао в 1938 г. опубликовал книгу 「五十音図の歴史」«Годзю:ондзу-но рэкиси» («История схемы годзюон»), где показал, что схема годзюон имеет два источника: два комментария к двум разным сутрам. Самый древний документ, где приводится схема годзюон, называется 孔雀経音義 «Кудзякукё: Онги»[64], однако очередность фонетических рядов в нем не соответствует современной (вместо ка-ки-ку-кэ-ко используется ки-ко-ка-кэ-ку), а ряды а-и-у-э-о и на-ни-ну-нэ-но отсутствуют. Что касается нынешнего варианта годзюон, он впервые упоминается в книге 1079 года 金光明最勝王経音義«Конко:мё:сайсё:о:гё: Онги»[65] вместе с Ироха-ута. Более ранних упоминаний на данный момент не найдено.

[64] «Кудзякукё» — «Сутра павлина», на санскрите — «Маха маюра раджа сутра», появилась в Японии в начале IX в. «Онги» — справочник, объясняющий произношение и смысл иероглифов в той или иной сутре. «Кудзякукё Онги» — толкование Сутры павлина, датируется 1004 годом.

Ближе к нашему времени, в эпоху Эдо, буддистский монах Кэйтю (см. главу 2) усовершенствовал схему годзюон. Кэйтю очень хорошо знал буддистские сутры, китайскую литературу и санскрит, и он успешно использовал свои знания, составляя толкования многочисленных классических произведений. Среди его работ есть книга, посвященная японской письменности: 「和字正濫抄」«Вадзисё:рансё:»[66]. Кэйтю выбрал из памятников японской письменности с эпохи Нара до середины эпохи Хэйан образцы слов, написанные с помощью каны, и на их основе предложил правила правописания. Эта книга вызвала волну критики, особенно в адрес его теории годзюон и его понимания мягких звуков. Кэйтю страшно рассердился на критику и написал ответ своим оппонентам, 「和字正濫通妨抄」«Вадзисё:ранцу:бо:сё:»[67]. В частности, он особое внимание уделил знакам хираганы «ви», «вэ» и «во» и тому, как важно не путать их с «и», «э» и «о» (подробнее см. главу 10): «Знаки ゐ, ゑ, を и い, え, お нам слышатся одинаково, но наши предки различали эти звуки и использовали соответственно, каждый по своему назначению, поэтому следует быть в высшей степени внимательными и не допускать

[65] «Конкомёсайсёогё» — «Сутра золотого блеска», на санскрите — «Суварнапрабхаса сутра», появилась в Японии в 677 г.

[66] «Вадзисёрансё» — «Введение к "Исправлению хаоса в нашей азбуке"», год написания — 1693-й, год опубликования 1695-й.

[67] «Вадзисёранцубосё» — «В защиту Введения к "Исправлению хаоса в нашей азбуке"», год написания — 1697-й. Книга так и не была опубликована при жизни Кэйтю, читатели смогли познакомиться с ней только в XX в.

ошибок»[68]. Объясняя порядок использования каны, он ссылался на таблицу, где пятьдесят слогов были записаны вертикальными рядами по пять штук. Можно сказать, что в этот период формирование схемы годзюон было, в основном, завершено.

Структура схемы годзюон

Порядок а-ка-са-та-на, как и а-и-у-э-о, создан на основе алфавита деванагари (санскрит). В Индии для обозначения на письме звуков санскрита использовали специальные буквы — 梵字 «бондзи». На самом деле это название является переводом на китайский слова «брахми». Брахми, по легенде, — это азбука, которую создал бог Брахман. В период с IV по VI век письмо брахми разделилось на две ветви, после чего каждая развивалась по своему пути. Северная ветвь породила систему письменности гупта, а уже на основе гупты появилось письмо сиддхаматрика, то есть то самое письмо, которое пришло в Японию. По этой причине, когда в Японии используют термин *бондзи*, подразумевают не брахми, а сиддхаматрику. На ее основе была создана современная форма индийской письменности — деванагари. Интересно, что сиддхаматрика уже не используется ни в Индии, ни в Китае, но в Японии до сих пор существует направление в буддизме тэндай, которое до сих пор пользуется сиддхаматрикой. Получается, что древняя система письменности, возникшая в Индии, сохранилась живой в далекой Японии. Ниже приводятся схемы брахми, гупта, сиддхаматрика и деванагари.

[68] Кэйтю. Вадзисёранцубосё. Цит. по Мабути Кадзуо. Годзю:ондзу-но ханаси (Рассказы о схеме годзюон). Токио, 2003. С. 52.

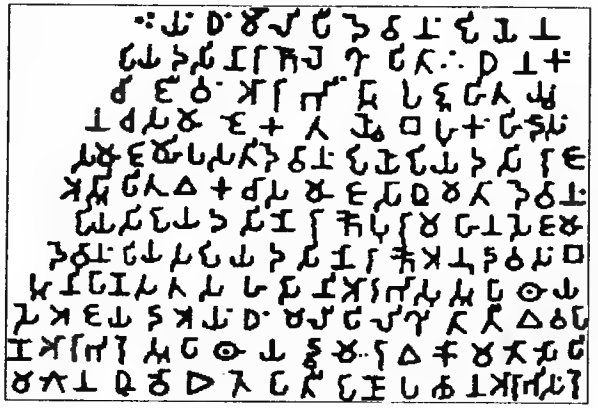


Рис. 17. Фрагмент текста на брахми

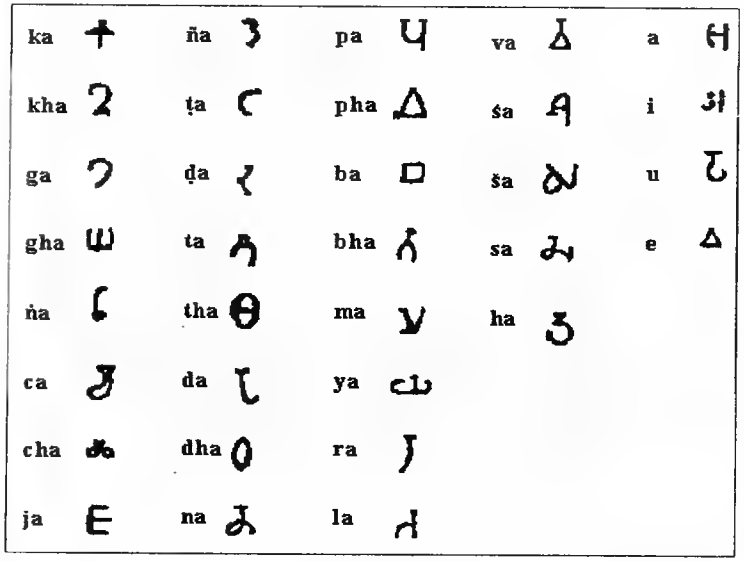


Рис. 18. Система гупта

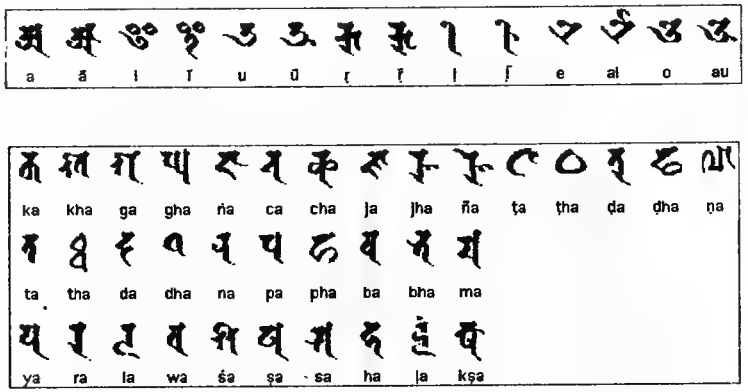
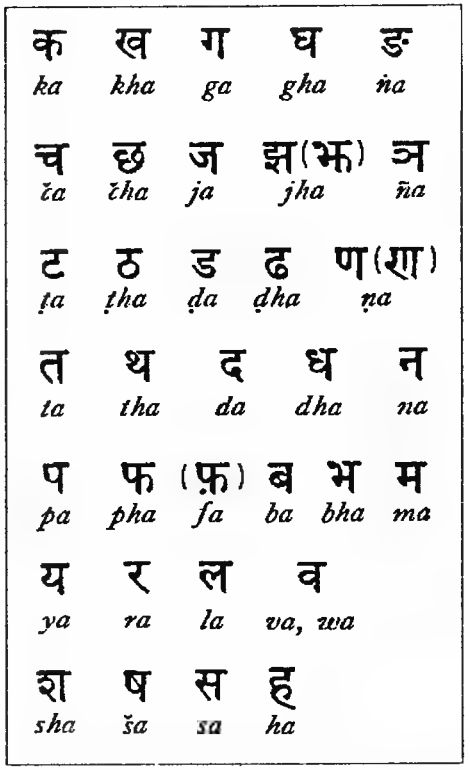


Рис. 19. Сиддхаматрика



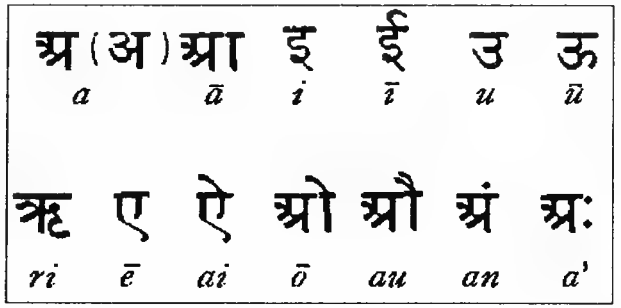


Рис. 20. Деванагари

Из схемы дэванагари видно, что порядок гласных такой: а-а:-и-и:-у-у:-р-р:-э-ай-о-ау-ан-ах. Отметим, что в санскрите звук [r] может стать гласным. Отсюда ясно, почему звук [р] в японском языке тоже считается полугласным звуком, хотя не все японцы понимают, почему это так.

Согласные, использованные при составлении японской фонетической системы, в начале эпохи Хэйан располагались так: ка-ча-та-на-па-ма-йа-ра-ва. Как видно по таблице «Деванагари», в санскрите после полугласных йа-ра-ва идут ша-са-ха. Тогда в годзюон можно было бы ожидать наличие слогов са-ха (то есть ка-ча-та-на-па-ма-йа-ра-ва-са-ха), однако их нет.

Объясняется это так. Во-первых, в японском языке ряд ха-хи-фу-хэ-хо до эпохи Муромати (некоторые считают, что даже до эпохи Эдо) произносился как фа-фи-фу-фэ-фо, а до того — как па-пи-пу-пэ-по. Звука [х] в японском языке просто не было.

Во-вторых, в древнем японском языке не было и звука [с], то есть не существовало и ряда са-си-су-сэ-со. Был ряд ца-ци-цу-цэ-цо, что доказывается современным звонким рядом: когда ряд са-си-су-сэ-со озвончается, получается ряд дза-дзи-дзу-дзэ-дзо. При этом в современном японском языке звонкие слоги произносятся по-разному в начале и в се-

редине слов. Тогда как в начале слов транскрипция [дз] верна, в середине слова звук [д] выпадает, и остаются слоги за-зи-зу-зэ-зо, что соответствует нормальному озвончению звука [с]. След древнего произношения сохранился только в начале слов. А еще раньше ряд ца-ци-цу-цэ-цо, видимо, произносили как ча-чи-чу-чэ-чо, то есть он соответствовал [ча] в санскрите.

Таким образом, во время формирования системы годзюон в японском языке еще не было звуков [х] и [с], в итоге эти буквы системы дэванагари просто игнорировали, и получилось: а-ка-ча-та-на-па-ма-я-ра-ва. Позже, с переменами в произношении, произошли перемены и в системе годзюон: она приобрела тот вид, который имеет сейчас.

Глава десятая

ВЗАИМОВЛИЯНИЕ ПИСЬМЕННОСТИ И ФОНЕТИКИ

Японцы приспособили чужеземную грамоту к записи родного языка, но японский язык не стоял на месте. В итоге письменности приходилось все время догонять меняющуюся устную речь, чтобы правильно отображать на письме реальный японский язык. Может быть, в этом суть исторического процесса взаимовлияния письменности и фонетики: постоянная погоня за ускользающей и стремительно меняющейся реальностью.

Фонетический ряд ха-хи-фу-хэ-хо

Обычно мало кому приходит в голову, что японская азбука построена на основе санскрита[69]. Этот удивительный факт заставляет задуматься о сложности взаимовлияний в древневосточных цивилизациях. Впрочем, для лингвистов достаточно хотя бы с восхищением заметить, насколько красиво выстроены фонетические ряды.

Среди гласных звуков похожий характер имеют «и» и «э», «у» и «о», а самый первый — «а» — имеет особый характер. В фонетических рядах схемы годзюон гласные звуки поставлены через один: а-и-у-э-о, чтобы особенности каждого выделялись ярче.

---

[69] Данное утверждение справедливо лишь в том смысле, что на русском языке отсутствуют развернутые исследования этого вопроса. Сам же данный факт давно и хорошо известен специалистам. См., напр.: Фельдман Н. И. Японский язык. М., 1960. С. 11.

Люди произносят гласные, используя свой речевой аппарат, как тромбон. Чем уже пространство, где формируется звук, тем тоньше получается гласный. При произнесении звука «и» язык плоско лежит впереди, пространство оставлено очень узкое, при этом еще и губы растянуты в стороны. При произнесении «о» язык отходит назад, губы вперед, пространство расширяется, голос становится ниже. При произнесении «а» язык ставится в нейтральную позицию, рот раскрывается вверх и вниз. При произнесении «у» в японском языке губы не вытягиваются вперед, как в русском; этот звук формируется глубже, чем «о». При произнесении «э» положение речевого аппарата среднее между «а» и «и».

Порядок а-ка-са-та-на-ха-ма-я-ра-ва сформирован так, чтобы артикуляция согласных звуков начиналась с самой глубины речевого аппарата и постепенно переходила вперед. Конечно, «а» — гласный звук, и стоит первым, поскольку язык вообще не участвует в артикуляции. Заднеязычный звук «к» в слоге «ка» мешает течению гласного звука в самой глубине. «С» в слоге «са» находится между языком и нёбом, дыхание скользит вперед по языку, еще не достигшему зубов. На звуке «т» в слоге «та» язык уже касается зубов. При произнесении «н» в слоге «на» речевой аппарат настроен точно так же, как при произнесении «та», и формирование звука отличается только тем, что воздух выходит через нос.

По поводу произнесения ряда «ха» существует проблема. Понятно, что язык вновь возвращается назад, ведь это заднеязычный звук. Это считается доказательством того, что на самом деле это ряд «фа», и в древности вместо «х» японцы произносили «ф» (см. ниже). Следующий звук — «м» в слоге «ма» — заканчивает артикуляцию, при его произнесении губы полностью сомкнуты. Считается, что в остальных рядах, то есть в рядах я, ра, ва, начальные звуки [й], [р] и [в] — полугласные, поэтому эти ряды рассматриваются отдельно, однако и они стоят в порядке от заднеязычного к переднеязычному.

Итак, фонетический ряд ха-хи-фу-хэ-хо до эпохи Нара имел вид па-пи-пу-пэ-по, а в эпоху Нара согласный [п] трансформировался в [ф]. Приблизительно в конце эпохи Муромати — начале эпохи Эдо появился звук [х], который произносится намного мягче русского «х» и даже мягче английского «h». Например, слово «листья»: в старину его произносили как [па], позже перешли на [фа], а потом появился современный вариант [ха]. Чем объясняются такие изменения? Уэда Кадзутоси (1867–1937) в своем 「P音考」 «Исследовании звука [п]» назвал первопричиной этих трансформаций так называемую «деградацию губных согласных». Это явление заключается в уменьшении напряжения губ при произношении отдельных звуков. Помимо ряда па-пи-пу-пэ-по изменения претерпел ряд ва-ви-вэ-во (начальный согласный этого ряда произносился подобно английскому «w», а в нынешнем ряду «ва-о» этот «w» сохранился в слоге «ва» и исчез в слоге «о»).

Когда слово «река» записывают хираганой, по современным правилам получается かわ, а по принципу исторического правописания надо было бы писать かは. В старину это かは звучало как [капа], а позже — как [кафа], однако никогда не превратилось в [каха]. Дело в том, что в конце эпохи Хэйан произошло явление は行転呼音 «хагё:тэнкоон» — «перевернутые звуки ряда ха», которое заключалось в том, что звук [ф], сохранявшийся везде, кроме начала слов, превратился в звук [в]. По этой причине [кафа] стала [кава], причем хираганой записывали это слово как かは. Вот схема трансформаций ряда ха:

	До эпохи Нара	Эпоха Нара	В конце эпохи Хэйан	Начало эпохи Эдо
начало слова	п	ф	ф	х

кроме начала слова	п	ф	в	в
листья	па	фа	фа	ха
река	капа	кафа	кава	кава

Таким образом, в период, когда Япония заимствовала китайские иероглифы, в японском языке еще не было звука [х]. Этот факт отражается, например, в принятом *онном* чтении иероглифов 海 «море» и 漢 «Китай»: несуществовавший в древней Японии звук [х] заменили на близкий к нему звук [к]. Первый знак стали читать [кай], хотя нужно было [хай]. Второй стали читать [кан], хотя правильно было [хань].

NIFON NO
COTOBA TO
Hiſtoria uo narai xiran to
FOSSVRV FITO NO TAME-
NI XEVA NI TAVA BACVETA-
BV FEIQA NO MOKOGATARI.

Рис. 21. Обложка книги «Повесть о доме Тайра»

Другим доказательством того, что в японском языке не было звука [х], являются печатные книги португальских миссионеров. В то время в Японии был период междоусобицы, и некоторые князья охотно приглашали иностранцев, которые могли поделиться новыми военными технологиями. За это князья разрешали миссионерам распространять христианскую веру на своей территории (ружье в обмен на свободу проповеди). Португальские миссионеры составили японско-португальский словарь и транскрибировали «Повесть о доме Тайра» (известна даже точная дата этой транскрипции — 1592 г.).

На обложке книги написано: «Повесть о доме Тайра, которая облегчает понимание разговорной речи. Для тех, кто хочет изучать и знать японские слова и японскую историю». В этой фразе слово «история» дано по-португальски, все остальное написано по-японски латинским шрифтом в соответствии с португальскими правилами. На иллюстрации видно, что все слова, которые в современном японском языке произносятся с [х] (нихон, хоссуру, хито, хэйкэ), написаны с латинской буквой f, то есть тогда они произносились с начальным [ф] (нифон, фоссуру, фито, фэйкэ). Латинские буквы разделяют звуки мельче, чем слоговые азбуки, а значит, точнее их воспроизводят, поэтому записи португальских миссионеров представляют важный материал для изучения тогдашнего произношения.

Есть и еще одно интересное доказательство, одна старинная загадка: 「母にはふたたび会ひたれど、父には一度も会はず」 «С мамой два раза встречаются, а с папой ни разу не встречаются»[70]. Как вы думаете, что это такое? Даже если вы очень хорошо знаете современный японский язык, ваши знания вам не помогут. Придется сесть на машину времени и отправиться в эпоху Муромати. Старательно изучайте тогдашний язык, и скоро вы легко разгадаете эту загадку. Впрочем, если вы внимательно читали предыдущие несколько абзацев, вы уже наверняка догадались. Правильный ответ: губы. Дело в том, что слово «мама» — в современной транскрипции [хаха] — произносилось [фафа], а еще раньше — [папа]! Вот и получается, что при произношении слова [фафа] губы встречаются два раза, а при произношении слова [тити] ни разу.

Хотя выше было показано, что в начале эпохи Эдо звук [ф] трансформировался в [х], произошло это не за одну ночь,

[70] Загадка содержится в книге: 「後奈良院御撰何曽」 «Гонараин гёсэннадзо» (Сборник загадок императора Гонары), 1516 г. Эта книга содержит около 200 загадок, которые собрал император Гонара (1496–1557), годы правления 1526–1557-й.

поэтому есть свидетельства, что и 200 лет спустя начальный [ф] кое-где сохранялся. Один из примеров — учебник японского языка 1868 г. немецкого автора, изданный на английском и голландском языках, где хирагана называется fira-gana[71]. Иоганн Гоффманн (1805–1878) был профессором Лейденского университета (Голландия) и за всю свою жизнь так никогда и не побывал в Японии. Гоффманн был учеником знаменитого немецкого японоведа Филиппа Франца фон Зибольда (1796–1866), который, притворившись голландцем, жил в Нагасаки с 1823 по 1829 год. За это время Зибольд в совершенстве овладел японским языком, благодаря чему смог преподавать «голландские науки» японским студентам и собирать ценные сведения о Японии по запросам голландских властей. По возвращении в Европу он издал двадцатитомную энциклопедию «Ниппон». Поскольку Гоффманн изучал японский язык под руководством Зибольда, можно утверждать, что термин fira-gana отражает допустимый вариант произношения первой половины XIX века.

Интересно, что в некоторых диалектах японского языка звук [ф] сохранился по сей день. Например, на Окинаве слово «мама» многие до сих пор произносят как [фафа]. Более того, в этой же префектуре есть регион вблизи Тайваня — острова Яэяма. В эту группу входят о. Ириомотэ, о. Исигаки, о. Ёнагуми и другие. Местные жители этих островов говорят на диалекте, в котором сохранилось древнее произношение ряда ха-хи-фу-хэ-хо — па-пи-пу-пэ-по, то есть «цветы» у них произносятся [пана], «человек» — [питу], «зубы» — [па].

Древние гласные японского языка

Многие студенты удивляются, что в ряде *ва-о* всего два слога. На самом деле это не всегда было так. В VIII веке в этом ряду слогов было четыре: в период «Манъёсю» ряд *ва-о* имел вид *ва-ви-вэ-во* (звука *ву* не было), а точнее — *ва-ы-уэ-уо*. Более ранних данных нет: дело в том, что историю фонетики японского языка можно изучать, начиная с памятников, написанных манъёганой, ведь все более древние книги написаны на китайском языке.

[71] Hoffmann J. A Japanese Grammar. Leiden, 1868. P. 6.

Следует отметить, что не все слоги с гласными «и», «э», «о» имели пары с «ы», «уэ», «уо». Всего таких пар было 20: ки/кы, ги/гы, хи/хы, би/бы, ми/мы, кэ/куэ, гэ/гуэ, хэ/хуэ, бэ/буэ, мэ/муэ, ко/куо, го/гуо, со/суо, дзо/дзуо, то/туо, до/дуо, но/нуо, йо/йуо, ро/руо, мо/муо. Первые девятнадцать пар зарегистрированы в различных памятниках литературы, а последняя, мо/муо, отмечена только в «Кодзики». Группа и-э-о называется 甲類 «ко:руй», условно этот термин можно перевести как «группа А». Группа *ы-уэ-уо* названа 乙類 «оцуруй», условный перевод — «группа В»[72].

Обнаружилось это фонетическое явление благодаря тому, что в то время уже появилась японская письменность — манъёгана. Мотоори Норинага (1730–1801) впервые обратил внимание на существование пар знаков манъёганы, которые никогда не использовали один вместо другого, хотя они обозначали, казалось бы, один и тот же слог. Он описал этот феномен в своей книге «Кодзики-дэн» («О "Кодзики"»[73]). Его ученик по имени Исидзука Тацумаро (1764–1823) продолжил работу в этом направлении и помимо «Кодзики» изучил «Нихон сёки» и «Манъёсю:». Собрав обширный материал, он смог с уверенностью утверждать, что в то время люди четко различали две группы слов с одинаковыми сло-

[72] Подробнее о сочетаемости слогов групп А и В и некоторых других особенностях восьмигласия древнеяпонского языка см. Сыромятников Н. А. Древнеяпонский язык. М.: Восточная литература, 2002. С. 30–35.

[73] Мотоори Норинага известен как ученый-японовед, автор комментариев к «Гэндзи-моногатари» и «Кодзики». Он развил концепцию «моно-но аварэ» («чувства прекрасного») и провозгласил ее центральной категорией японской души.

гами и для каждой из групп использовали свои знаки манъёганы. Однако эти два ученых еще не поняли, что основа такого разделения — фонетическая, и считали это явление особенностью правописания.

Результаты своих исследований Исидзука опубликовал в 1798 г. в книге 「假名遣奥山路」«Канадзукай оку-но ямамити» («Правописание каны: путешествие по затерянной горной тропинке»). Несколько необычное название книги объясняется тем, что описанное автором явление было мало известно его современникам. Оно наблюдалось только в период использования манъёганы; когда стали использовать хирагану и катакану, такого различия уже не было видно. Исидзука отразил в названии книги философско-романтический образ исследователя, который углубился в густую чащу леса, которым поросли склоны гор, и, блуждая по затерянной тропинке, неожиданно вышел к загадочному полуразрушенному замку. Большого резонанса книга не вызвала, поскольку научное значение особенностей правописания, описанных автором, было не вполне ясно.

Только в XX веке Хасимото Синкити предположил, что причина этого особого правописания лежит в особенностях фонетики древнего японского языка. Заинтересовавшись феноменом, описанным у Исидзуки, Хасимото начал подробнее изучать его и открыл факт восьмигласия. Сразу стало понятно, почему «парные» знаки манъёганы никогда не смешивали между собой. Например, иероглиф 伎 использовался для передачи слога [ки], а 紀 — для передачи слога [кы], и не зафиксировано случая, где 伎 обозначал бы [кы] и наоборот, где 紀 обозначал бы [ки], ведь для людей того времени это были разные звуки. Хасимото ввел термин для данного явления 上代特殊假名遣 [дзё:дай токусю канадзукай] — «особое правописание каны в древности». В своей книге 1942 г., 「古代国語の音韻に就いて」«Кодай кокуго-но онъин-ни цуйтэ» («О фонетике древнеяпонского языка») он дает схемы классификации манъёганы в соответствии с системой годзюон, и для двадцати слогов он приводит знаки манъёганы с пометками «группа А» и «группа В». После Хасимото факт восьмигласия стал общепризнанным.

Благодаря открытию восьмигласия не только стало меньше белых пятен в фонетической системе японского языка эпохи Нара, но и произошел большой скачок в области изучения этимологии исконно японских слов и исторической грамматики. Вот яркий пример. Часто говорили: «Почему Бог называется «ками»? Потому что находится в небесах». Однако красивое объяснение оказалось безосновательным с точки зрения этимологии. В памятниках, написанных манъёганой, второй слог слова «Бог» писали иероглифами группы В (微、未、尾、味), то есть [мы], а второй слог слова «верх» — иероглифом группы А (美), то есть [ми]. Слова [камы] и [ками] не были омонимами и не были связаны этимологически: для записи слова «Бог» иероглиф 美 не использовался никогда. Есть основания предполагать, что различия в произношении указанных выше двадцати пар слогов исчезли уже в IX веке, поскольку нет отдельных знаков каны, соответствующих иероглифам группы А и группы В.

Остается вопрос в отношении недостающих гласных ряда я-ю-ё. По логике, в нем должно быть пять гласных, я-йи-ю-йэ-ё. Однако уже во времена «Манъёсю» в японском языке звука [йи] не было, и никаких пар в использовании знаков манъёганы для звука [и] не зафиксировано. Что касается различия в звуках [э] и [йэ], оно сохранялось до X века, о чем писал Окумура Тэрудзанэ (1792–1847) в книге「古言衣延辨」«Когэн [э], [э] бэн» («О звуках [э] и [йэ] в старинных словах»).

Позже всех исчезла разница в произношении и/ы, э/уэ и о/уо как отдельных гласных звуков. Предполагается, что это произошло в конце XI — начале XII века, уже после создания каны, именно поэтому в слоговой азбуке существовало по два разных знака для звуков [и], [э], [о].

Полузвонкие звуки

Звуки ряда па-пи-пу-пэ-по называются полузвонкими, и этот термин сразу порождает массу вопросов. Что означает эта «половина» звонкости? Разве звук [п] относится к звонким звукам? В любом учебнике его называют глухим, это и первоклассники знают.

До эпохи Нара звук [п] считался глухим, парным к звуку [б], но позже он был изгнан с этого почетного места, которое сначала занял звук [ф], а затем звук [х]. Сам звук [п] остался в звукоподражающей лексике и глагольных междометиях. Например, [хю:-хю: пю:-пю: бю:-бю:] — «дует ветер»; [хи:-хи: пи:-пи: би:-би:] — «кто-то плачет»; [хара-хара пара-пара бара-бара] — «падают листья, стучит дождь, стучит град»; [хэко-хэко пэко-пэко бэко-бэко] — «поклоны (о человеке), изгибы (об упругой поверхности)». Из этих примеров видно, что звуки [х, п, б] отражают нарастание степени действия. Звук [п] выполняет здесь функцию звонкого звука, но его нельзя назвать звонким звуком, поскольку звонким считается звук [б]. Однако и глухим его назвать нельзя, это место занято звуком [х]. Вот и получается, что звук [п] не относится «ни туда, ни сюда», потому и называется 半濁音 [хандакуон] — «полузвонкий звук».

Студенты, изучая катакану и хирагану, не задумываются о том, что 半濁点 [хандакутэн] ([ханнигори]) — круглый значок в правом верхнем углу знаков ряда ха-хи-фу-хэ-хо — появился в японской письменности относительно недавно, а до этого целых пять веков образованные люди по смыслу догадывались, что в таком-то слове требуется озвончение. С эпохи Муромати до эпохи Эдо не было традиции ставить какие-либо значки около знаков каны.

Невероятно, но факт: первыми начали использовать *хандакутэн* португальские миссионеры в конце XVI века, когда переводили на японский язык христианские книги. На самом деле, они не собирались вносить коррективы в японскую письменность, они ввели *хандакутэн* для самих себя, потому

что хотели облегчить для себя процесс изучения японского языка. Благодаря *хандакутэну* они смогли точнее отражать на письме устную речь японцев. Самым ярким примером португальской формы записи является японско-португальский словарь, составленный иезуитом Родригесом (1558–1629).

Идея ставить маленький кружочек не была собственным изобретением португальцев. Дело в том, что в японской литературе того времени было принято в особых случаях, когда автор хотел подчеркнуть, что *озвончения нет*, ставить такой маленький кружочек — 不濁点 [фудакутэн], подобно тому, как в русском языке отмечают ударение в словах только во избежание двусмысленности (например, «бóльшим»). Получилось так, что португальские миссионеры просто изменили смысл этого значка на прямо противоположный.

В качестве образца использования *фудакутэн* можно взять известную книгу Мотоори Норинага: в 1797 году он перевел «Сборник старых и новых песен Японии» на современный ему язык и издал под названием 「古今和歌集遠鏡」 «Кокинвакасю: то:кагами» («"Сборник старых и новых песен Японии": вид через подзорную трубу»). Возьмем, например, 14-ю песню — это танка Оэ-но Тисато (годы жизни неизвестны):

鶯の谷より出るこゑなくば　春くることを誰かしらまし

угуису-но таниёри идзуру коэ накува хару курукото о тарэга сирамаси

Если песнь соловья
Из долины
Мы не услышали бы,
Как бы узнали
О весны приближеньи?..
(Пер. Ю. В. Судо)

Обратите внимание на фразы こゑなくば и しらまし゜. В правом верхнем углу знаков хираганы *ха* и *си* стоят маленькие кружочки, которые показывают, что озвончать эти слоги не надо. Дело в том, что в японском языке существуют фразы *коэ накуба* и *сирамадзи* (с озвончением), и автор не хочет, чтобы читатель запутался. *Накува* — устаревшая условная форма, которая несет в себе смысл однозначной постоянной зависимости между двумя частями предложения, а *накуба* имеет значение условности, как в современном японском языке, то есть условие не обязано исполняться в ста процентах случаев. *Сирамаси* означает «наверное, не узнали бы», а *сирамадзи* имеет смысл «не собираемся узнавать». *Фудакутэн* в обеих фразах проставлен самим Мотоори, который именно так интерпретировал текст оригинала.

Японцы продолжали использовать маленький кружочек для указания на особое произношение, и не только для слогов ряда ха-хи-фу-хэ-хо, до конца эпохи Эдо. Тогда этот значок стал особенно популярен в «бульварном чтиве» — романах, рассчитанных на простых людей и использовавших в речи персонажей язык улицы. Например, слово отосан, «отец», простолюдины произносили как [отоццан], и чтобы отразить это на письме, писали так: おとつさ゜ん. Реформа эпохи Мэйдзи, утвердившая «историческое правописание каны», официально сделала *хандакутэн* указателем на звук [п], хотя многие люди по-прежнему опускали этот значок, не видя в нем необходимости. С 1946 г. обязательное проставление значка *хандакутэн* стало общепринятой нормой правописания.

Звонкие звуки

Значок 濁点 [дакутэн] ([нигори]) — две маленькие черточки в правом верхнем углу некоторых слогов — долго не мог прижиться в японском правописании. Когда японцы записывали свою речь манъёганой, звонкие и глухие звуки отображались при помощи разных иероглифов, но когда

стали использовать хирагану и катакану, эта возможность оказалась утрачена: в кане не было отдельных знаков для звонких звуков.

Напомним, что *кана* («временные знаки») получила свое название в противоположность термину *мана* («настоящая грамота», то есть иероглифы). Вначале обе азбуки, хирагана и катакана, использовались для личных записей и временных, не важных заметок, где все было ясно по контексту и не было необходимости разъяснять самому себе, глухой там звук или звонкий. Например, иероглиф 煩 — «беспокойство, волнение» — имеет два чтения, [хан] и [бон], и когда была необходимость указать в тексте, что следует выбрать второе чтение, справа подписывали катаканой ホ, [хо]. Образованным людям этого было достаточно, и это было проще и удобнее, чем изобретать новый знак каны для звука [бо]. Кроме того, в исконно японской лексике не было слов, которые начинались бы со звонких звуков, поэтому не ощущалась потребность в четком указании на озвончение. Даже когда появилось правило — ставить *дакутэн*, многие пренебрегали этим, не видя необходимости. Так в русском языке большинство издательств не использует букву «ё», предоставляя читателю самому догадываться по контексту в каждом конкретном случае, «е», а в каком «ё».

Правило проставления дакутэн во всех случаях появилась достаточно недавно. Даже в конституции Японской империи 1889 г. озвончение на письме не было обозначено.

Конституция Японской империи 1889 г., ст. 3:

「天皇ハ神聖ニシテオカスヘカラス」

«Особа императора священна и неприкосновенна».

Надо читать:
[тэнно:-ва синсэи-ни ситэ окасу бэкарадзу]

Написано:
[тэнно:-ва синсэи-ни ситэ окасу хэкарасу]

Более того, некоторые законы, сохранившиеся с того времени, когда правило проставления *дакутэн* не было таким жестким, как сегодня, так и существуют в прежнем виде, и только если в них вносятся поправки, новое издание выходит в свет и с проставленным озвончением.

Дакутэн произошел от значков, выражавших тон — 声点 [сё:тэн], «точки голоса». Например, в комментарии к «Сутре золотого блеска» (см. выше) чтение иероглифов помечено при помощи манъёганы, а вокруг этих знаков проставлены точки, которые показывают тон. Так, 織 обозначает «ткать», рядом стоят знаки манъёганы 於留, обозначающие *кунное* чтение [ору]. У первого знака, [о], в левом верхнем углу стоит одна точка — значит, этот слог следует читать с высоким ровным тоном. У второго знака, [ру], точка стоит в левом нижнем углу, и это обозначает низкий ровный тон.

В этом же комментарии есть образец тонов в виде таблицы: вместо иероглифа нарисован квадрат, вокруг которого стоят точки и объясняющие их значение иероглифы.

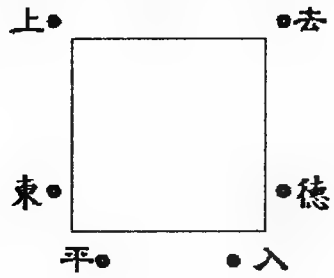


Рис. 22. Схема «сётэн»

В левом верхнем углу стоит точка и подписан иероглиф «верх», высокий ровный тон. В левом нижнем углу стоит точка и подписан иероглиф «покой», низкий ровный тон. В правом нижнем углу стоит точка и подписан иероглиф «вход», низкий ровный тон + слово, заканчивающееся на «п», «т», «к». В правом верхнем углу стоит точка и подписан иероглиф «уход», восходящий тон. Помимо этих, есть еще две

точки, расположенные немного ниже середины квадрата, слева и справа. У левой точки подписан иероглиф «восток», падающий тон, а у правой точки — иероглиф «добродетель», высокий ровный тон + слово, заканчивающееся на «п», «т», «к». Таким образом, в среднекитайском языке существовало шесть тонов, из них два — высокий ровный тон и низкий ровный тон — использовались для слогов, оканчивающихся на звуки «п», «т», «к».

Изначально точки сётэн указывали только на тон, с которым следовало произносить иероглифы при чтении китайского текста, но позже их стали использовать в манъёгане для уточнения собственных чтений иероглифов, а затем — даже в катакане.

Дакутэн как указатель озвончения не сразу закрепился в правом верхнем углу. Вначале появилось правило: рядом с глухими звуками ставить одну точку сётэн для указания на тон, а у звонких звуков ставить две точки — одну в качестве, собственно, точки сётэн, а другую — чтобы указывать на озвончение. Естественно, та точка, которая отвечала за тон, могла быть в любой из шести позиций, перечисленных выше. Вторая точка, указывающая на озвончение, ставилась рядом с ней, путешествуя с точкой сётэн вокруг знака каны. Постепенно люди привыкли, что озвончение всегда обозначается двумя точками. Обычай ставить обе эти точки в правом верхнем углу появился потому, что эта позиция соответствовала восходящему тону. В японской лексике этот тон чаще всего появлялся в начале слова, а звонкий звук в начале слова практически не встречался — значит, случаев, где озвончение совпадало бы с восходящим тоном, практически не было. Правый верхний угол оказался удобным местом для двойной точки, которая означала бы только озвончение и не мешала бы обозначению тона отдельной точкой сётэн в соответствующей позиции. С развитием каны обозначение тона потеряло актуальность, ведь японцы теперь писали на родном языке и не нуждались в подсказках. Кроме того, в XIV веке в японском языке произошел сдвиг тонов, и точки

сётэн стали лишним источником хаоса. Таким образом, точки сётэн исчезли, а *дакутэн* остался в правом верхнем углу.

Входящий тон

Китайские слова произносятся с различными тонами, как уже было описано выше. На японской земле китайское произношение исказилось, и практически все тоны исчезли. Входящий тон был единственным, который сохранился, хотя и в измененном виде.

Получилось это так. Вначале японцы старались произносить китайские слова как надо, опираясь на точки сётэн, но только входящий тон им никак не удавался. Входящий тон используется при произношении слов, заканчивающихся на «п», «т», «к». Этот тон обозначается иероглифом «вход», то есть словом, которое в среднекитайском языке оканчивалось на звук «п», и этот иероглиф был типичным представителем категории слов, которые оканчиваются на глухой согласный.

Интересно, что в современном пекинском диалекте китайского языка входящий тон отсутствует, например, цифры 1 и 6 называются так: [yi] и [liu]. Во времена царства Тан в среднекитайском языке эти цифры произносились [it] и [lok]. Японцы не могли произнести слова, которые оканчиваются на согласный, поэтому добавили в конце гласные звуки. В современном японском языке в заимствованных словах после «т» ставят гласный «о», после «к» и «п» — гласный «у», но до середины XX века часто после «к» ставили «и»: английское слово ink, «чернила», превратилось в インキ [инки], cake, «пирожное», — в ケーキ [кэ:ки], а stake «бифштекс», — в ステーキ [стэ:ки]. В японском языке VI века, в период появления иероглифов в стране, принято было после «п» ставить гласный «у», а после «к» и «т» — «и» или «у». Теперь понятно, почему цифры 1 и 6 по-японски читаются [ити] и [року].

Вот еще несколько примеров входящего тона в словах на «т». Гласный «и» появился в следующих словах:

Трансформации труднопроизносимых китайских слогов

Тип слова	Гласный	Примеры слов с добавленными гласными (некоторые из них имеют указанное чтение только в составных словах)				
слово на *-т*	и	一 [ити], один. 一日 [итинити] один день	律 [рити], закон. 律儀 [ритиги] честный	吉 [кити], счастье. 大吉 [дайкити] большое счастье	日 [нити], солнце. 日輪 [нитирин], солнечный диск	節 [сэти], сезон. お節料理 [осэтирё:ри] новогодние (сезонные) кушанья
	у	一 [ицу], один. 一対 [ицуи], одна пара	律 [рицу], закон. 律令 [рицурё:] кодекс	吉 [кицу], счастье. 吉日 [кицудзицу] счастливый день	日 [дзицу] день 祝日 [сюкудзицу] праздничный день	節 [сэцу], сезон. 季節 [кисэцу] времена года
слово на *-к*	и	力 [рики], сила. 怪力 [кайрики] чудовищная сила	直 [дзики], прямой. 正直 [сё:дзики] честный	劇 [гэки], спектакль. 演劇 [энгэки], драма	駅 [эки], вокзал. 駅舎 [экися], здания вокзала	積 [сэки] произведение чисел. 積分 [сэкибун], интегральное исчисление
	у	力 [рёку], сила. 実力 [дзицурёку] реальная сила	直 [тёку], прямой. 直線 [тёкусэн] прямая линия	百 [хяку], 100. 二百 [нихяку], 200	陸 [рику], суша. 大陸 [тайрику], материк	肉 [нику], мясо. 牛肉 [гю:нику], говядина

В словах на «п» добавляли гласный «у», например, китайский иероглиф 急, «спешка» читался как [kip], японцы превратили его в [кипу]. Однако, как уже было показано, ряд па-пи-пу-пэ-по претерпел несколько трансформаций, и данное слово не стало исключением, [кипу] стало [кифу], и хираганой записывали так: きふ. Позже звук «ф» выпал и слово стали произносить [киу], откуда и получилось современное [кю:]. Другой пример, 蝶, «бабочка». Китайское [tep] превратилось в [тэпу] → [тэфу] → [тэу] → [тё:]. Аналогичным образом китайская цифра 10, [jip], пережила следующие изменения: [дзипу] → [дзифу]→ [дзиу]→ [дзю:].

Некоторые китайские слова, имевшие конечный согласный п, в японском языке поменяли свой «п» на «т». Например, 雑, «грубый, небрежный» [zap]. Эволюция произношения этого слова в японском языке шла таким образом: [дзапу] → [дзафу] → [дзау] → [дзо:], как в слове 雑巾 [дзо:кин], «тряпка», или 雑木林 [дзо:кибаяси], «смешанный лес». Однако одновременно в японском языке возник вариант [дзат], которого в китайском языке никогда не было, этот вариант так же приобрел конечный гласный [дзату], а потом трансформировался в современное [дзацу], как в 混雑 [кондзацу], «сутолока», или 複雑 [фукудзацу], «сложность». Получается, этот иероглиф имеет в японском языке два *онных* чтения, но, строго говоря, второе *онное* чтение нельзя назвать *онным*.

В тех случаях, когда после слога на «п», «т», «к» сразу следовали слоги, начинающиеся с тех же согласных звуков, возникало удвоение согласного звука. При этом возникло новое в японской фонетике явление: удвоение согласного требует одномоментной задержки дыхания, пока речевой аппарат готовится к произнесению долгого согласного звука. Получилось, что заимствованная письменность изменила фонетику родного языка.

Японцы искажали китайское произношение, приспосабливая его к привычным фонетическим нормам, но сам

японский язык не мог не испытывать влияния китайского. По сей день в японском языке сохранились следы древне- и среднекитайского произношения. Говорят даже об «окаменевших останках» среднекитайского языка в современном японском.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Некоторые считают, что изучение истории японской письменности не так важно для изучения самого языка. Однако студенты-японисты неизбежно сталкиваются с множественностью чтений иероглифов и начинают недоумевать по этому поводу. Действительно, на первый взгляд кажется, что в правилах чтения иероглифов нет никакой системы. Многие продолжают изучение языка, так и не разобравшись в историческом процессе появления современной системы письменности в Японии и будучи уверенными в полной случайности принятых норм произношения и написания.

На самом деле, существует четкое соответствие пар «онных» чтений (по кан-он и го-он), как и было показано в данном пособии. Когда студенты начинают понимать подлинный характер иероглифов, у них исчезает чувство страха перед японской письменностью. Автор рекомендует студентам самостоятельно рассмотреть подобные соответствия для иероглифов, не приведенных в данной книге: взять словарь иероглифов, выбрать любой *кандзи* и разобраться в его чтениях по «он». Вместо того чтобы механически запомнить все эти чтения, следует сравнить их между собой, определить, какое из них относится к *кан-он* и какое — к *го-он*. Если же помимо парных чтений имеется совершенно отличное от них третье *онное* произношение, следует подозревать, что это чтение по *то-он*. Постарайтесь представить себе тот период истории Японии, когда каждое из этих чтений пришло в японский язык.

Японцы начали использовать китайские иероглифы не менее четырнадцати веков назад, и тогда они писали по-китайски, а говорили по-японски. В конце концов японцы

устали от этой двойственности (не прошло и двух столетий!) и попытались записывать родной язык с помощью чужеземных знаков. На первом этапе китайские иероглифы использовались просто как алфавит, их форма и чтение при этом сохранялись, но смысл утрачивался. К сожалению, дело осложнилось тем, что из-за существования диалектов, а также из-за исторических изменений в китайском языке японцы переняли по два-три чтения для каждого иероглифа. Знаки с множественными чтениями не могли служить надежным фонетическим письмом. В X веке появились упрощенные знаки, созданные на основе иероглифов; первоначально их использовали в качестве фонетических меток для облегчения чтения иероглифического письма, а потом и для записи японских стихов и других текстов. Однако эти слоговые азбуки не вытеснили иероглифы полностью, разные способы записи японского языка продолжали существовать параллельно, каждый соответствовал определенному социальному слою. Только после Второй мировой войны в Японии была принята система письменности, которую используют сегодня.

Представьте себе образ мышления древних японцев, поразмышляйте о том, как они пытались приспособить китайскую систему письменности к своему языку, как они переделывали чужие буквы для выражения собственных мыслей, как они старались записать поэзию своих чувств при помощи не вполне подходящих знаков. Что заставляло их настойчиво искать способы выражения на письме? Не желание ли сохранить наследие родного языка для потомков?

Написанное буквами остается как часть культуры и служит для обучения последующих поколений. Возьмите язык айнов, коренного населения северной Японии. Их замечательное поэтическое произведение «Юкара» не было зафиксировано на бумаге с помощью собственной письменности. Сейчас осталось мало людей, которые считают айнский язык родным и могут понимать устные предания. Сохранилась пластинка, на которую этнограф и филолог Киндаити

Кёсукэ (1882–1971) сумел записать этот памятник устного народного творчества. Язык, не получивший своей системы письменности и вдобавок окруженный более сильным языком, еще более ослабляется и в конце концов исчезает. Айнский язык является печальным примером языка без письменности, и мы сейчас своими глазами можем наблюдать его исчезновение. Вот насколько важную роль играет письменность!

Автор выражает глубокую признательность В. И. Ожогину за полезные замечания и ценные рекомендации.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

魏志倭人伝・後漢書倭伝
Гиси Вадзин-дэн, Гокандзё Ва-дэн и др. Иванами сётэн. Иванами бунко. Токио, 1985.

古事記
Кодзики. Записи о деяниях древности. Иванами сётэн. Иванами бунко. Токио, 2001.

日本書紀
Нихон сёки. Анналы Японии. Иванами сётэн. Иванами бунко. Токио, 2000.

続日本紀　宣命
Сёку Нихонги, Сэммё. Продолжение «Анналов Японии». Указы императора. Иванами сётэн. Иванами бунко. Токио, 1988.

日本後紀 (京都大学電子図書館　日本後紀写本画像データ)
Нихон коки. Анналы последующих записей о Японии.
http://ddb.libnet.kulib.kyoto-u.ac.jp/exhibit/index.html

万葉集
Манъёсю. Собрание мириад листьев. Иванами сётэн. Иванами бунко. Токио, 2000.

伊勢物語
Исэ моногатари. Иванами сётэн. Иванами бунко. Токио, 2003.

土佐日記
Ки-но Цураюки. Тоса никки. Путевые заметки из Тоса. Иванами сётэн. Иванами бунко. Токио, 2003.

古今和歌集
Кокин вака сю. Сборник старых и новых песен Японии. Иванами сётэн. Иванами бунко. Токио, 1990.

源氏物語
Мурасаки Сикибу. Гэндзи моногатари. Повесть о Гэндзи. Иванами сётэн. Иванами бунко. Токио, 1965–1967.

源氏物語 (大正大学附属図書館　源氏物語写本画像データ)
Мурасаки Сикибу. Гэндзи моногатари. Повесть о Гэндзи. http://www.lib.tais.ac.jp/genji/

源氏物語 (高千穂大学教養部教授　渋谷栄一氏ホームページ)
Мурасаки Сикибу. Гэндзи моногатари. Повесть о Гэндзи. http://www.sainet.or.jp/~eshibuya/

紫式部日記
Мурасаки Сикибу. Мурасаки Сикибу Никки. Дневник. Иванами сётэн. Иванами бунко. Токио, 2003.

枕草子
Сэй Сёнагон. Макура-но Соси. Записки у изголовья. Иванами сётэн. Иванами бунко. Токио, 2002.

平家物語
Хэйкэ моногатари. Повесть о доме Тайра. Сёгакукан, Нихон котэн бунгаку дзэнсю. Токио, 1975.

夏目　漱石　「坊ちゃん」
Нацумэ Сосэки. Боттян. Мальчуган. — Синтёся. Токио, 1997.

井上　秀雄　「倭・倭人・倭国」
Иноуэ Хидэо. Ва, Вадзин, Вакоку. Японцы и Япония глазами древних китайцев. Дзинбунсёин. Токио, 1991.

風間　喜代三　他「日本語の系統と歴史」
Кадзама Киёдзо и др. Нихонго-но кэйто то рэкиси. Происхождение и история японского языка. Иванами сётэн. Иванами кодза. Токио, 1992.

北山　茂夫　「萬葉の時代」
Китаяма Морио. Манъё-но дзидай. Эпохи Манъё. Иванами сётэн. Иванами бунко. Токио, 1965.

金田一　京助　他　「国語辞典」
Киндаити Кёсукэ и др. Толковый словаль японского языка. Сёгакукан. Токио, 1991.

金田一　春彦　「日本語（上・下巻）」
Киндаити Харухико. Нихонго. Японский язык. Иванами сётэн. Иванами синсё. Токио, 1989.

倉島　長正　「“漢字仮名交じり文”を大事にしたい」
Курасима Нагамаса. Кандзи-кана-мадзири-бун о дайдзи ни ситай. Хочу сберечь «Кандзи-кана-мадзири-бун» // Такахаси К. (ред.) Уцукусий Нихонго. Красивый японский язык. Бунгэйсюндзю. Токио, 2002.

高島　俊男　「漢字と日本人」
Такасима Тосио. Кандзи то Нихондзин. Иероглифы и японцы. Бунгэйсюндзюся. Бунгэй синсё. Токио, 2001.

橋本　進吉　「国語学概論」
Хасимото Синкити. Кокугогаку гайрон. Введение в языкознание. Иванами сётэн. Токио, 1946.

橋本　進吉　「古代国語の音韻に就いて」
Хасимото Синкити. Кодай кокуго-но онъин-ни цуитэ. О фонетике древнеяпонского языка. Иванами сётэн. Иванами бунко. Токио, 1985.

平川　祐弘　「漢字かな混じり文の美しさ」
Хиракава Сукэхиро. Кандзи-кана-мадзири-бун-но уцукусиса. Красота кандзи-кана-мадзири-бун // Такахаси К. (ред.) Уцукусий Нихонго. Красивый японский язык. Бунгэйсюндзю. Токио, 2002.

平川　南　他「古代日本の文字世界」
Хиракава Минами и др. Кодай Нихон-но модзи сэкай. Мир письменности древней Японии. Тайсюкан сётэн. Токио, 2000.

松井　栄一　「言葉の変化と乱れ」文藝春秋　平成１４年４月号

Мацуи Сигэкадзу. Котоба-но хэнка-то мидарэ. Изменения в языке и отклонения от языковых норм. Бунгэй сюндзюся. Токио, 2002.

馬渕　和夫　「五十音図の話」

Мабути Кадзуо. Годзюондзу-но ханаси. Рассказы о схеме Годзюон. Тайсюкан сётэн. Токио, 2003.

三浦　佑之　「口語訳　古事記」

Миура Сукэюки. Когояку Кодзики. «Записи о деяниях древности» на разговорном языке. Бунгэй сюндзюся. Токио, 2002.

峰岸　明　「変体漢文」

Минэгиси Акира. Хэнтай канбун. Искаженный китайский текст. Токёдосюппан. Токио, 1989.

森　博達　「日本書紀の謎を解く」

Мори Хиромити. Нихон сёки-но надзо-о току. Раскрыть тайну «Анналов Японии». Тюокоронсинся. Токио, 2000.

Войтишек Е. Э. Карты «Ироха». Новосибирск, 1999.

Головачева Л. И. Беседы и суждения Конфуция // Рубеж. Тихоокеанский альманах. Владивосток, 1992. № 1.

Ки-но Цураюки. Дневник путешествия из Тоса. М., 1975.

Кодзики: Записи о деяниях древности, свиток 1. СПб., 2000.

Маевский Е. В. Графическая стилистика японского языка. М., 2000.

Манъёсю. Собрание мириад листьев. М., 1971.

Мещеряков А. Н. Древняя японская культура и текст. М., 1991.

Мурасаки Сикибу. Дневник. СПб., 2000.

Мурасаки Сикибу. Повесть о Гэндзи. М., 1991.

Мурасаки Сикибу. Повесть о Гэндзи. Приложение. М., 1992.

Нихон сёки. Анналы Японии. СПб., 1997.

Норито. Сэммё. М., 1991.

Ожогин В. И. Основы японского языка. Ч. 1–2 . Новосибирск, 1993–94.

Старостин С. А. Реконструкция древнекитайской фонологической системы. М., 1989.

Сыромятников Н. А. Древнеяпонский язык. М., 2002.

Сыромятников Н. А. Классический японский язык. М., 2002.

Сэй Сёнагон. Записки у изголовья. М., 1975.